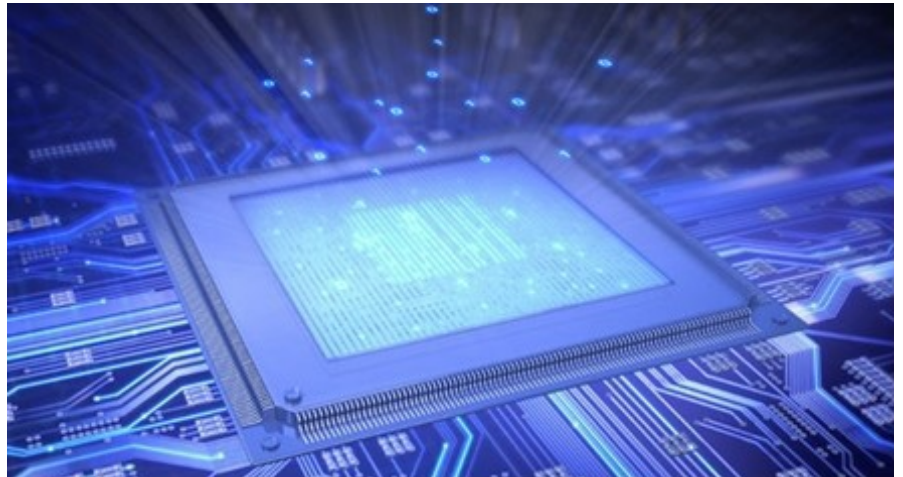


Интернет-портал «Sovschola»

<http://sovschola.ru/>



***Реферативный журнал
социокультурного и политического анализа***

Тема выпуска:

Постмодерн

Выпуск 1

(Июнь 2011 г.)

Реферативный журнал социокультурного и политического анализа (Тема выпуска: Постмодерн). – 2011. – Вып. 1 (Июнь 2011 г.). – 75 с. – URL: <http://sovschola.ru/content/rzhskpa-vyp-1-postmodern>.

Частичная или полная перепечатка информации, представленной в данной книге, допускается *только* со ссылкой на автора и наименование материала, журнал и электронный адрес его размещения на портале «Sovschola». В случае представления информации в Интернете электронный адрес размещения журнала должен быть активным, т.е. в форме гиперссылки: <http://sovschola.ru/content/rzhskpa-vyp-1-postmodern>.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание

В.Макаров

Война в сфере смыслов

**Современные концепции сетевых войн – угрозы
информационной безопасности России**

«Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна

**Эффективность государственного управления в условиях
постмодерна**

Экономика постмодерна

Н.Симкина, Е.Васильева

**Сравнительный анализ культуры постмодерна
на Западе и в России**

Постмодернизм в поле массовой культуры

О социальной сущности современного искусства

**Место и роль ценностей постмодернизма в «культурной
глобализации»**

М.Тейлор

Поколение Next: студент эпохи постмодерна

Н.Чернов

Ризома в рекламном дискурсе

Постмодернистский космос Жана Бодрийера

Проблема изучения постмодерна

К общей теории модернизации

Постиндустриальное общество и культура постмодерна

Интернет-пространство – состояние ~~н~~ постмодерна

**Роскошь, демонстративное потребление и гламур:
история и современность**



Владимир Макаров

первый заместитель начальника главного управления –
начальник управления информации
главного управления идеологической работы
Министерства обороны Республики Беларусь,
кандидат педагогических наук

Война в сфере смыслов¹

Особенности информационно-психологического противоборства в современных условиях

Что меня поражает в этом мире – это
бессилие силы. Из двух могучих
факторов – силы и ума – сила в конце
концов всегда оказывается побежденной.

Наполеон I

В конце прошлого века радикально трансформировались сущность войны и содержание вооруженной борьбы. Все большее значение приобретает противоборство в сфере идеологии – в сфере смыслов, информационных и информационно-психологических войн. Кое-кто заявляет: зачем, дескать, нужна ваша идеология, и вообще, одного патриотизма явно недостаточно для надежного обеспечения безопасности государства... Конечно, одного патриотизма мало. Но без него, без высокого морального духа всего населения любые меры по упрочению военной безопасности государства бессмысленны. Можно иметь горы оружия, в том числе ядерного, и потерять государство.

Нелишне напомнить классическое изречение, что армия выигрывает или проигрывает сражения, а войны выигрываются или проигрываются народами. Нам следует помнить, что Советский Союз несколько десятилетий готовился к войне классического типа, и его во многом погубили инерционность и невосприимчивость к изменяющемуся миру. Ибо не завоевание страны противником становится концом ее истории, так как после этого возможно и возрождение. Настоящая катастрофа – поражение в сфере смыслов.

На информационных фронтах

Невещественное правит миром. Этот тезис часто подвергается сомнению. Разве не деньги, газ или нефть властелины мира? Но если сказать, что информация правит миром, то многие согласятся. Раньше с понятиями «невещественное» и «идеология» связывалась, как правило, политическая практика, в том числе деструктивная (чего стоила одна только «идеология перестройки»?). Поэтому можно понять безразличие отдельных людей к рассматриваемым вопросам, нередко перерастающее в идейную беспринципность. Однако разделить их позицию никак нельзя. Смена типа идейного оружия не обесценивает идейное оружие как таковое, подобно тому как смена арифмометра на ЭВМ не снимает феномен вычислительной техники.

¹ Источник: журнал «Беларуская думка» (Республика Беларусь). Интернет-адрес материала: http://beldumka.belta.by/isfiles/000167_706396.pdf.

Современная идеология беспощадна. Она требует действия в сфере идей столь же рационального и жесткого, сколь рационально и жестко действует конструктор сложной технической системы или специалист-системщик, создающий математическую конструкцию. Информационные технологии уже способны перестраивать сознание людей. Это значит, что войны теперь и впредь будут проходить не только в пространстве, но и в ином измерении – в сознании людей и за их души.

С легкой руки американской корпорации «Рэнд» с конца 1990-х годов в ряде государств используется понятие «стратегическое информационное противоборство второго поколения». Помимо получения главным образом разведывательной информации, оно предусматривает уже иной подход: создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника; манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны; дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов власти и т. д. (Как здесь не вспомнить полностью провалившиеся попытки дестабилизации обстановки в Республике Беларусь с помощью технологий «бархатных революций», по существу, технологий информационного противоборства второго поколения?) Иными словами, информационное противоборство второго поколения – это прежде всего противоборство в сфере смыслов.

Соответственно, и идеология сегодня – это не идеология прошлого века. Речь идет о технологиях идеологического влияния, основанных на самых современных достижениях наук коммуникативного цикла, которые находятся в тесном взаимодействии с политическими технологиями, применяемыми для дестабилизации социума.

Не случайно в оборот прочно вошел термин «медиа терроризм», ибо цель любой подобной акции не убийство само по себе, а вызываемый им страх. Поэтому терроризм как политическая технология нуждается не просто в очевидцах, а в запуганных свидетелях. И чем больше таких свидетелей, тем больше становится критическая масса страха, превращаемого не просто в коллективную эмоцию, а в инструмент мощного воздействия.

Сегодня наблюдается рост «качества» терактов именно как информационных продуктов, благодаря чему они утрачивают свою изначальную роль инструмента локального действия и переходят в разряд инструментов глобального управления.

События 11 сентября 2001 года в США, марта 2004 года в Испании, трагедия Беслана и десятки иных зловещих акций показали, что в любых странах могут быть успешно осуществлены практически любые сценарии внешнего управления их социальным и экономическим состоянием. Расходы на подготовку и проведение терактов несопоставимы с нанесенным уроном.

Сегодня, и это очевидно для сведущих людей, информационное противоборство трансформировалось из обеспечивающей подсистемы в

самостоятельный вид войн и способно решать стратегические задачи геополитического уровня.

Сознание под прицелом

Сам термин «информационно-психологическая война» заимствован из словаря военных кругов США. Вводя его в употребление, американские ученые, как гражданские, так и военные, придерживаются прагматичной идеологии, ориентированной не столько на конкретные сиюминутные нужды, сколько на ближайшую перспективу. Используя этот термин, они формируют в сознании властных кругов и общественности целевую установку на то, что в будущем данная форма отношений станет настолько развитой и эффективной, что полностью вытеснит традиционное вооруженное противостояние. Да, говорят американцы, мы уже настолько хорошо изучили психологию человека и научились ею управлять, что для обеспечения его безусловной подчиняемости нам уже не нужно применять грубую силу – армию и полицию. Если же социальная система не желает добровольно подчиниться, мы заставим ее это сделать с помощью современных комплексных технологий тайного информационно-психологического воздействия, причем для непокорных результат такого противостояния будет равносителен поражению в войне.

Для характеристики принципиально нового типа войны вполне приемлем и термин, предложенный С.Е. Кургиняном, – «война – игра»: «Мера неклассичности войны, ведомой в 1970-е, 1980–1990-е годы, настолько велика, что было бы неверным считать, что это была «просто» информационная война или «просто» война... Это была игра. Игра, которую вел субъект особого игрового типа, вооруженный совершенно новыми методами и способами воздействия на своих геополитических конкурентов. Игра стала доминировать в стратегии борьбы с конкурентами с начала 1960-х годов. Мы этого не поняли и не смогли отреагировать по-настоящему. В результате нас даже не победили. Нас обыграли. Разница между поражением и проигрышем существенна, хотя результаты проигрыша сходны с результатами поражения в самой сокрушительной войне. Мы лишились значительных территорий, военного и экономического потенциала, понесли чудовищные демографические потери» [7].

Но каково основное, сущностное содержание подобных игр? Каковы главные объекты и предметы поражения и уничтожения в войнах нового поколения, войнах будущего?

С середины 1990-х годов в научных публикациях часто используется термин «консциентальная война» (от латинского *conscientia* – «сознание») [1; 2; 3; 8]. Он предполагает, что определенные типы сознаний должны быть вытеснены за рамки цивилизованно допустимых и приемлемых форм [2].

Подобное происходило и раньше, когда один тип организации сознания вытеснял другой, как, например, христианство сменяло язычество. Но в

настоящий момент эта конкуренция и борьба принимают тотальный характер, становятся чуть ли не единственными и ведущими.

Исследователь Ю.Громыко пошел дальше и выдвинул гипотезу, согласно которой предметом поражения в такой войне может быть и субъектность этноса, народа или государства [1]. Автор считает, что основанием для подобного утверждения служит то, что реальность сознания не является индивидуальной: она принадлежит более крупным общностям, в том числе этносам. Причем механизм разрушения сознания в данном случае заключается в создании специальных «симуляционных машин», воссоздающих ложную среду его существования, в которых снижается уровень энергийного существования личности. И обосновывает пять основных способов размывания сознания [2]:

- 1) поражение нейромозгового субстрата, снижающего его функционирование на основе действия химических веществ, отравления воздуха, радиационных воздействий;

- 2) понижение организации информационно-коммуникативной среды, в которой функционирует сознание, путем ее дезинтеграции и примитивизации;

- 3) оккультное воздействие на него направленной передачей мыслеформ объекту поражения;

- 4) специальное распространение по каналам коммуникации образов и текстов, атакующих сознание;

- 5) разрушение форм идентификации личности по отношению к фиксированным общностям, приводящее к смене форм самоопределения и деперсонализации.

Из этих пяти направлений весьма экзотически выглядит третье – оккультная передача мыслеформ объекту поражения. Хотя человечество это уже проходило – оккультно-мистическое содержание доктрины гитлеровской Германии и соответствующая оккультная практика достаточно хорошо известны. Но и сегодня в мире имеются примеры ее применения на людях (причем достаточно эффективного). Система разрушения сознания деструктивными религиозными организациями, действующими на территории Беларуси, подробно изложена в недавно изданной монографии «Неокультурные объединения в Беларуси», подготовленной в Институте философии Национальной академии наук [11].

Во второй половине 1990-х годов наша страна столкнулась с мощнейшей экспансией неокультов, выступавших под различными вывесками благотворительных, оздоровительных и иных организаций. Проекты «Белая Русь – край мира любви и согласия», «Белая Русь – лаборатория безопасности жизни», «Белая Русь – лаборатория образования будущего планеты», «Белая Русь – лаборатория глубинной экологии и глобального сотрудничества», «Белая Русь – колыбель звездных детей III тысячелетия» – вот далеко не полный перечень оккультных проектов.

В 2001 году в Минске прошел даже так называемый форум «Общество как образовательная система. Проекты действий». В числе его организаторов и активных участников наряду с некоторыми нашими учебными заведениями и

общественными организациями оказался Институт планетарного синтеза (Женева), за респектабельным названием которого скрывается представитель американской оккультной секты «Саммит лайтхауз», своего рода европейская штаб-квартира и ее представительство при ООН. Но «Саммит лайтхауз» не просто секта, а центр распространившейся и захватившей весь мир так называемой «новой культуры» – нью-эйдж. Сам же институт – это источник откровенной оккультной вакханалии, смесь всевозможной оккультной эклектики, в том числе в самых экстремальных формах, все виды магии, телепатии, астрологии и т. д. Он также специализируется на подготовке социальных и политических реформаторов общества в мировом масштабе [9; 12].

Постмодернизм вместо пушек

Безусловно, самым опасным направлением борьбы является способ поражения сознания с целью смены и преобразования типов имидж-идентификаций (отождествлением с той или иной позицией, представленной конкретным образом) и аутентизаций (чувством личной подлинности), осуществляемых прежде всего средствами массовой информации [2].

По итогам многих исследований феномена сознания советских людей в годы перестройки был введен в оборот термин «искусственная шизофренизация сознания».

Шизофрения – это, по существу, утрата способности устанавливать связь между отдельными словами и понятиями, что влечет за собой нарушение логичности мышления. В таком случае людям не остается ничего другого, как просто верить комментариям СМИ, выводам симпатичного диктора, заслуженного ученого, популярного артиста или назойливой рекламе.

К примеру, у исследователей, изучавших структуру мышления вкладчиков МММ, не вызывал сомнения факт, что на некоторое время логика их рассуждений была расщеплена. При опросах вкладчиков им задали вопрос: «Понимаете ли вы, что такая прибыль, которую обещало МММ, не могла быть заработана?». 60% ответили утвердительно. Они отдавали отчет в том, что невозможно получить высокие прибыли, но добровольно шли и отдавали деньги. Причем среди вкладчиков соотношение работников умственного и физического труда составляло 12:1 в пользу первых. То есть мы должны признать, что в большей степени манипуляции подверглась советская интеллигенция [4].

Кроме того, важнейшая задача воздействия на сознание – перемена эмоционально-оценочных знаков в отношении фундаментальных понятий и традиционных представлений индивидуального и массового сознания. Добро и зло, позор и честь, красота и безобразие, польза и вред, высокое и низкое – смысл этих представлений подвергается атаке со стороны как средств информации, так и массовой культуры и деформированной социальной практики.

Конец XX столетия ознаменовал собой перестройку базовых смысловых ориентиров и дегуманизацию общества вообще, особенно на Западе. Не случайно в середине 1990-х годов выдвинулась проблема «духовной экологии», «экологии культурной».

Формированию повышенного уровня тревожности, страха, мнительности, с одной стороны, агрессивности, жестокости – с другой, способствует широкий наплыв худших западных образцов, пропагандирующих насилие, разврат, аморальные и антигуманные направления.

Но здесь особенно важно то, что наш социокультурный архетип сформирован более чем тысячелетней культурой, в которой активно подавлялись всяческие низменные чувства и которая исключительно сильно сопротивляется всяким изменениям. Когда происходит сдвиг сознания, он касается абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, и изменения приобретают неконтролируемый, страшно разрушительный характер. Это положение всецело применимо как к белорусскому, так и к русскому национальным социокультурным архетипам. Поэтому не случайно в современных идеологических войнах главные удары наносятся по священным символам, сакральным точкам истории и культуры.

Нередко в качестве оружия для разрушения сознания используются самые неожиданные вещи, например философские учения. Одним из видов такого оружия стал постмодернизм.

Что для него характерно? Обращаясь к творчеству ведущих представителей этого течения во Франции, где, собственно, постмодернизм и возник, исследователи выделяют следующие черты: стилевой синкретизм, смешение жанров – высокого и низкого; интертекстуальность и цитатность, языковую игру; неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков; фрагментарность и принцип монтажа; иронизм, пародийность, аксиологический плюрализм и т.д. Указанные признаки и черты заполняют собой сегодня общественное пространство, которое для большинства исчерпывается транспортом, магазином, голубым экраном и газетой.

Еще более мощную бомбардировку сознания устраивает телевизор. Чрезмерное увлечение им нередко превращает человека в законченного шизоида, живущего по законам «желающего производства». Согласно французским постмодернистам Ж. Делезу и Ф. Гаттари (у которых, собственно, и заимствуются данные термины), бесполезно подавлять желания – это приводит только к расщеплению «я». Нужно обнаружить для человека его собственное бессознательное, высвободить место для его спонтанных импульсов. Ведь именно бессознательное является творцом жизни, творцом культуры... [3].

Под видом борьбы с тоталитаризмом постмодернисты отвергают философские принципы, позволяющие описывать деятельность мышления. Классическим онтологиям они противопоставляют онтологию антимышления и все свое внимание уделяют работе с бес- и подсознательным как более первичным человеческим началом. Отсюда бесконечные варианты и модели хаотизации (синкретизм, эклектизм, шокотерапия, поток случайностей), преследующие один результат: достижение невменяемости, а в итоге – полного немыслия.

В общество вбрасывается антропологический проект, примитивизирующий население и делающий его еще более безразличным и

животнообразным, чем оно было до сих пор. Проект имеет также то «достоинство», что понижение общего интеллектуального и нравственного уровня людей происходит как бы с их добровольного согласия. (Мыльные оперы, видеоклипы, СМИ и т. д., «работающие» в рамках проекта, формируют человека, который твердо убежден: человеческая природа – зла, такова правда, и надо жить «по правде»...)

Разрушение базисных структур и норм мышления, а также механизмов целевого действия и ценностей, связанных с обоими процессами, – это удар, что называется, под корень.

Мышление и действие суть те основы, на которых коренится народное самосознание. Они суть того, из чего, собственно, народ и вырастает, на чем он собирается как народ и в чем черпает свою энергию и силу как субъект, творящий культуру, историю... [3].

Консциентальный солдат

Таким образом, под консциентальной войной, или войной в сфере смыслов, следует понимать войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом поражения является сознание людей с целью уничтожения или деформации интеллектуального ресурса нации и разрушения универсальных установок населения. Учитывая непосредственную связь ценностных установок человека с культурой его народа, можно сказать, что в консциентальной войне уничтожается именно культура.

Консциентальная война – это высший уровень противоборства. В данном случае информационная борьба рассматривается в широком смысле слова как непреходящее явление, присущее человеческому обществу с момента его возникновения. Одновременно возникла необходимость введения нового термина – «информационно-психологическая война» и применительно к сфере военного противоборства. Причем, как пишет А.В. Манойло, данный термин, будучи по существу публицистическим, уже прочно вошел в научные труды и нормативные документы.

Это обусловлено следующим:

во-первых, использование его указывает на возрастающую роль психологических операций в локальных вооруженных конфликтах и в современных войнах, которые все более напоминают масштабную пиар-кампанию;

во-вторых, этим самым подчеркивается, что нынешние ее технологии способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем системы высокоточного оружия;

в-третьих, неизмеримо возрастает роль, которую начинают играть информационно-психологические операции в международной политике, вытесняя или замещая в ней иные, более традиционные формы политического регулирования;

в-четвертых, налицо высокая социальная опасность некоторых организационных форм и информационно-психологических технологий, используемых для достижения добровольной подчиняемости личности [10].

На современной стадии развития политических технологий информационно-психологическая война не всегда может начинаться собственно с военных действий. Но они сами становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции – в качестве средства инициирования цепных психологических реакций, предусмотренных заранее подготовленным сценарием.

Война психологическая порождает войну локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим инициирующий повод, а стало быть, нужен локальный вооруженный конфликт. То, что в этих коварных планах традиционная война играет ограниченную, строго отведенную ей роль, не делает ее менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет из сферы политических отношений – глобальные военные конфликты постепенно отходят на второй план, количество же локальных вооруженных конфликтов и частота их возникновения растут.

13 февраля 2006 года комитетом начальников штабов в вооруженных силах США утверждена новая редакция доктрины «Информационные операции». Согласно ей мероприятия по воздействию на людские и материальные ресурсы противника включают пять основных составляющих: радиоэлектронную борьбу, психологические и сетевые операции, мероприятия оперативной маскировки, а также обеспечение безопасности собственных сил и средств. При этом в новой доктрине больше не используется понятие «информационная война», которое заменено более нейтральными терминами «информационные операции» и «информационная среда (сфера)».

Принципиально важно, что впервые официально вводится термин «сетевые операции», включающий в себя компьютерные атаки, сетевую защиту и использование компьютерных сетей противника в своих целях. При этом главный удар, по замыслу разработчиков, необходимо сосредоточивать на сознании лидеров, так как в эпоху эффективных технологий рядовые участники противоборства и все граждане способны оказать лишь незначительное влияние на принятие решений [5].

Вместе с тем широкое обсуждение, в том числе в открытых изданиях, проблем разработки информационного оружия в США может создать иллюзию якобы полного их доминирования в соответствующей сфере. Однако это совершенно не так. Например, в Японии к 2015 году планируется сформировать национальную информационную инфраструктуру более высокого, чем американская, технологического уровня, которая сможет составить технологическую базу применения Японией информационного оружия.

Об этом же свидетельствуют результаты ливано-израильского конфликта в 2006 году. Не сумев обеспечить собственное информационное превосходство техническими средствами, вооруженные силы Израиля в ходе операции

нанесли удары по наземным спутниковым станциям телекомпании «Аль-Манар», ливанских телеканалов Эл-Би-Си и «Аль-Мустакабль», по объектам энергетики. Но и эти меры не принесли желаемого результата. После вывода из строя стационарных объектов телеканала «Аль-Манар» руководство «Хезболлах» задействовало подвижные теле- и радиоцентры, средства массовой информации ряда арабских стран. Рупором «побед шиитского движения» стали катарский спутниковый телеканал «Аль-Джазира» и египетское информационное агентство МЕНА. То есть особенностью современных конфликтов явилась ликвидация монополии тех же США и их союзников на информационное доминирование в мире.

Итак, вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы, непосредственно касающиеся проблем обеспечения национальной безопасности.

Во-первых, в настоящее время национальную безопасность можно обеспечить только в совокупности всех ее составляющих: военной, политической, экономической, информационной, экологической, гуманитарной. Одновременно в современной войне на первый план выходит проблема защиты сознания людей, интеллектуального ресурса нации, то есть проблема формирования высокого морального духа народа.

Во-вторых, необходимы усилия по реализации специальных проектов ликвидации последствий применения информационно-психологического, консциентального оружия. Причем речь идет прежде всего об образовательной безопасности и безопасности культурно-психологической. Последний термин не противоречит положениям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В данном случае речь идет лишь о направлениях обеспечения безопасности, содержащихся в концепции, применительно к сознанию людей (сфере смыслов), лежащих главным образом на стыке безопасности в гуманитарной и информационной сферах.

Основные пути решения соответствующих проблем в контексте задач военного ведомства:

дальнейшее развитие эффективной системы идеологической работы в вооруженных силах; такая система создана, причем ее объектами являются собственно военнослужащие и широкие слои общественности;

активизация методологических основ обеспечения защиты населения и войск от консциентального оружия, совершенствование современной научно-теоретической базы военной психологии, военной социологии, военной педагогики, активизация фундаментальных и прикладных военно-психологических, социологических и педагогических исследований в интересах обеспечения как военной, так и информационной, гуманитарной (культурно-психологической) составляющей;

дальнейшее усиление взаимодействия органов военного управления с республиканскими центрами, занимающимися исследованиями в гуманитарной сфере, с региональными научными и научно-исследовательскими учреждениями, соответствующими кафедрами с целью использования опыта

белорусской социологической, психологической и педагогической школ в интересах решения задач обеспечения национальной безопасности.

Принципиально важно, что изменения сущности войны и содержания вооруженной борьбы не говорят о том, что мы должны бросить все силы только на разработку и производство нового информационного или консциентального оружия (что вполне реально при нашем значительном интеллектуальном потенциале). Эти изменения, наглядно проявившиеся в войнах и военных конфликтах XXI века, лишь подтверждают правомерность и своевременность мер, осуществленных в ходе реформирования военной организации государства, вооруженных сил и осуществляемых в настоящее время направлений их дальнейшего строительства и совершенствования.

Нам следует помнить, что Советский Союз несколько десятилетий готовился к войне классического типа, и его во многом погубили инерционность и невосприимчивость к изменяющемуся миру. Ибо не завоевание страны противником становится концом ее истории, так как после этого возможно и возрождение. Настоящая катастрофа – поражение в сфере смыслов.

Литература

1. Громыко Ю. Консциентальное оружие – как оно действует // Российское аналитическое обозрение. 1998. № 7.
2. Громыко Ю. Оружие, поражающее сознание, – что это такое? // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке? – М.: Россия XXI, 1997.
3. Громыко Н. Постмодернизм – оружие массового поражения? // Российское аналитическое обозрение. 1998. № 8–9.
4. Егоров А.М. Защита от манипуляции сегодня – условие существования завтра // Журнал прикладной психологии. 2000. № 3.
5. Костюхин А., Горбунов Г., Сажин А. Информационные операции в планах командования ВС США // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 5.
6. Кургинян С.Е. Неизбежность // Россия XXI. 1993. № 2.
7. Кургинян С., Бялый Ю., Подкопаева М. Южная угроза и ее связь с обострением политического кризиса в России // Россия XXI. 1996. № 11–12.
8. Макаров В.М. Консциентальная война: миф или реальность? // Наука и военная безопасность. №2. 2003 г.
9. Макаров В.М. Проект Белая Русь – край мира, любви и согласия и комментарий к нему // Неокультовые объединения в Беларуси // Науч. ред. А.С. Майхрович. - Мн.: «Четыре четверти», 1999.
10. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // Материалы V Международной научно-практ. конференции «Информационные технологии и безопасность». Вып. № 8. Киев, 2005.
11. Неокультовые объединения в Беларуси // Науч. ред. А.С. Майхрович. Мн.: «Четыре четверти», 1999.
12. Родионов М.К. К вопросу о формах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1998. № 2.

Современные концепции сетевых войн – угрозы информационной безопасности России

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	Л.А. Коваленко
Название	Современные концепции сетевых войн – угрозы информационной безопасности России
Источник	Коваленко, Л.А. Современные концепции сетевых войн – угрозы информационной безопасности России // Режим доступа: http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2008/t15/2-1-14.doc .
<i>Inf</i>	Материал 2008 г.

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы. Являясь системообразующим фактором жизни общества, она активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и др. составляющих безопасности. Национальная безопасность России существенно зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать.

В современных условиях в странах НАТО разрабатывается и применяется новая концепция ведения войн – сетевая теория войны (*emerging theory of war*). Данная теория разработана Офисом реформирования ВС Секретаря обороны под управлением вице-адмирала Артура К. Сибровски. Она активно внедряется сегодня в практику ведения боевых действий США в Ираке и Афганистане, тестируется на учениях и симуляторах. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем эта теория, если не заменит собой традиционную теорию войны, то необратимо и качественно изменит ее.

Сетецентричная теория войны основана на фундаментальном делении циклов человеческой истории на три фазы – аграрная, промышленная и информационная эпохи, каждой из которых соответствуют особые модели стратегии. Этим эпохам строго соответствуют понятия «премодерн», «модерн» и «постмодерн».

Информационная эпоха – это период постмодерна, который проходит сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь, США) переходят к качественно новой фазе. Теория сетецентричных войн представляет собой модель военной стратегии в условиях постмодерна.

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операции базовых эффектов» (ОБЭ, *Effects-based operations, EBO*). Эта важнейшая концепция данной теории.

ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны»¹. ОБЭ означает заведомое установление полного и абсолютного контроля надо всеми участниками актуальных или возможных

¹ Цит. по Edward A. Smith, Jr. *Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War*, Washington, DC: DoD CCRP, 2002.

боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях – и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает и тогда, когда царит мир. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе. Т.о., практическая реализация теории сетцентричных войн представляет собой потенциальную угрозу национальной безопасности России.

«Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	В.Р. Филиппов ¹
Название	«Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна
Источник	Филиппов, В.Р. «Урегулирование конфликтов» в парадигме постмодерна Источник // Режим доступа: http://image-of-russia.livejournal.com/88212.html .
<i>Inf</i>	Доклад, представленный на ежегодную Интернет-конференцию «Международный имидж России» (2011 г.)

Начало нынешнего века ознаменовано диффузией постмодернизма в теорию международного права и в частные практики международных отношений. Характерный для постмодернизма отказ от универсалистских конструкций повлек за собой привнесение новых смыслов в эту сферу. Мир, вступивший в эру постмодерна, готов отказаться от фундаментальных и единых для всех принципов международного права, основанного на антропоцентрическом гуманизме. Неожданная метаморфоза: постмодернистский отказ от догматизма служит основанием для отрицания норм классического международного права, призванного защитить справедливость во имя гуманизма, а требование плюрализма обретает смысл санкции на утверждение одной позиции, позиции сильного. При этом конструируется миф о том, что всякий новый прецедент вмешательства в конфликт имеет целью умиротворение сторон и защитить права человека.

В 1947 г. А.Тойнби в труде «Постижение истории» сформулировал мысль о том, что постмодернизм символизирует собой конец западного господства в религии и культуре. Ж.-Ф.Лиотар в свою очередь настаивал, что цель постмодернистской программы – гуманитаризация этого мира. Однако реальность оказалось намного сложнее: постмодернизм стал идеологическим

¹ Василий Рудольфович Филиппов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (г. Москва). Сфера научных интересов: социальная антропология, конфликтология, политология, международные отношения.

обоснованием монологизма во внешней политике, плюрализм приобрел форму государственного эгоцентризма.

Стремление избавить мысль от ограничений, накладываемых на нее эпохой до предела рационализировала сферу межгосударственных взаимодействий. Постмодернистское требование антидогматизма, отказ от жесткого доктринального монологизма, разрушение системы символических противоположностей, отказ от двоичного исчисления мира (бинарных оппозиций «добро – зло», «полезно – вредно» и др.) повлекли за собой формирование новых понятий и регуляторов. В теорию и практику международных отношений агрессивно внедряется концепт «урегулирования конфликтов». Если принцип «невмешательства во внутренние дела государств» был императивом и трактовался в теории международного права совершенно однозначно, то новое понятие «урегулирование конфликтов» до предела многосмысленно. Кто и как может или должен урегулировать конфликты? Кто может взять на себя ответственность судить о том, кто прав или кто виноват в конфликте? Какие регуляторы вправе применять тот, кто принимает на себя функцию «миротворца»? В какой мере «миротворец» вправе преследовать собственные интересы в ходе разрешения конфликта?

Б.Межуев¹ справедливо констатировал: «Мир живет в эпоху постмодерна. До этого момента были какие-то разговоры, какое-то сопротивление. По крайней мере, во время войн в Косово в *The Washington Post* была опубликована статья, в которой говорилось, что если американцы вторгнутся в Косово, то за этим кончится модерн... Это был последний крик в защиту модерна». «Урегулирование конфликта» все больше напоминает военные действия, направленные против одной из сторон и призванные обеспечить интересы третьей силы, принявшей на себя обязательства миротворца. У.Эко констатировал с грустью: «В нарушении обычаев, установленных современными либеральными государствами, войну больше не объявляют... и никогда не известно: находимся ли мы в состоянии войны или нет».

Постмодернистские коннотации в международном праве возникают тогда, когда мир становится однополярным. Крах СССР, распад Варшавского договора, разрушение Берлинской стены ознаменовали новую эру в международных отношениях. В биполярном мире две супердержавы, основоположники и бессменные члены Совета безопасности считали

¹ Межуев Борис Вадимович, известный российский философ, специалист по истории философии и политической мысли России, кандидат философских наук, редактор спецпроектов «Русского журнала», шеф-редактор «Рабочих тетрадей Русского журнала», заместитель генерального директора Фонда гражданских инициатив «Стратегия-2020», автор целого ряда публикаций о демократии в России. Родился в 1970 г. в Москве, в 1987 г. поступил на философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1997 г. на философском факультете МГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Отечественные истоки философии В.С. Соловьева». В 1998-1999 гг. проходил стажировку в университете Texas A&M (США). В 1993-2001 гг. – научный редактор журнала «Полис» («Политические исследования»). С января 2009 г. – вице-председатель Координационного совета Лиги консервативных журналистов.

возможным установить порядок в мире через равновесие. Теперь же баланс сил нарушен, равновесие утрачено.

Примечательно то, что конец эпохи двуполярного мира был театрально объявлен 11 сентября 2001 г., когда вместе с башнями Международного торгового центра рухнуло все устройство (логическое, семантическое, риторическое, юридическое, политическое) прошлого мира. Однополярность мира получила особую легитимность. 20 сентября президент Джордж Буш обратился к нации с трибуны Конгресса с посланием, в котором говорилось: «Сегодня мы — страна, осознавшая опасность и призванная защитить свободу. Наша скорбь обратилась в гнев, а гнев — в решимость. Предстанут ли наши враги перед правосудием или правосудие предстанет перед нашими врагами, но правосудие совершится». Эпоха невмешательства закончилась.

Началась новая эпоха. Страна, узурпировавшая право судить и карать, отныне рассматривает мир как зону своих «национальных интересов». Постепенно произошло смещение логических акцентов: уже не наказание террористов, а некие «превентивные меры», направленные против реальных и мнимых террористических угроз, получают санкцию авторитетных международных организаций. Ничем не оправданные бомбардировки Белграда и отторжение Косово от Сербии ознаменовали конец легитимности ООН. «Урегулирование конфликтов» стало инструментом удовлетворения интересов мировой сверхдержавы и ее сателлитов.

В африканском контексте реализация концепта «урегулирования конфликтов» в практике международных отношений означает начало эпохи вторичной колонизации. События первой половины 2011 г. Бомбардировки Ливии силами НАТО и вступление Франции в войну в Кот-д'Ивуаре на стороне А.Уаттары продемонстрировали готовность сверхдержавы и ее военного союзника использовать внутривосточные конфликты как повод для открытой агрессии в собственных интересах с санкции ООН.

Эффективность государственного управления в условиях постмодерна

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	О.Ф. Шабров ¹
Название	Эффективность государственного управления в условиях постмодерна
Источник	Шабров, О.Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. – 2010. - №5. – С. 4-9.
<i>Inf</i>	Статья опубликована в журнале «Власть»

Опыт Великой депрессии 30-х гг. XX в. выявил два механизма, способных остановить деградацию мировой экономики в подобных условиях: госрегулирование и мировая война. Очевидно, что второй путь губителен. Первый же не дает желаемого эффекта в силу глобализации экономики. 80 лет назад вирус спада распространился по миру, «заразив» национальные экономики через механизмы обмена. Сегодня же сама экономика перестала быть исключительно национальной и вышла из-под контроля национальных государств. И чем дальше, тем больше будет востребована идея мирового правительства, реализация которой несет прямую угрозу их суверенитету. Вместе с тем есть основания усомниться в эффективности этого пути.

Одной из причин современного кризиса идентичности является также информационное отчуждение личности. Информационное общество, предоставившее человеку невиданные возможности коммуникации, порождает и новое противоречие между обществом, производящим информацию, и потребляющим ее человеком, теряющим возможность полноценно соотноситься с окружающей средой. Особенностью личности постмодерна, открытой для избыточной информации, становится неглубокое проникновение в суть происходящего, в т.ч. в политической сфере, реальный мир все больше вытесняется разрастающимся миром симулякров социального бытия. Казалось бы, парадокс: невиданные ранее возможности распространения информации и доступа к ней становятся препятствием реальному информационному обмену. *И не только обмену, но и развитию как таковому*².

В той же мере, в которой индустриальное общество порождает неравенство отношений собственности и, как следствие, отчуждение труда, постиндустриальное общество порождает информационное отчуждение как следствие неравенства информационного. В меру обладания материальным и административным ресурсом одна из сторон политпроцесса получает преимущество в формировании информационной «повестки дня», в масштабах

¹ Шабров Олег Федорович, известный российский ученый-политолог, заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ, президент Академии политической науки, доктор политических наук, профессор.

² Курсивом в основном тексте реферативных обзоров (но не в перепечатках статей!) здесь и далее будем обозначать текст референта (включая замечания и альтернативные оценки), а не текст (или пересказ текста) автора реферируемой публикации

информационного воздействия. А это, в свою очередь, порождает возможность навязывать индивидуальному и массовому сознанию виртуальные сущности, не имеющие прообраза в реальном мире (т.н. симулякры).

Информационное отчуждение предстает, т.о., как отчуждение информационного пространства от реального мира, как отчуждение человека от объективной информации и, как следствие, его отчуждение от самой реальности. В результате утрачивают смысл механизмы представительной демократии, использование которых становится средством манипулирования. Народ перестает быть реальным источником власти. *Отсюда практический вывод №1: в нашей ситуации никакая демократизация страну не спасет.*

Утрачивают эффективность созданные и оправдавшие себя институты и механизмы политической обратной связи, обеспечивавшие в последние десятилетия эффективность западных демократий, – партии, группы давления, выборы, референдумы и т.п. Нарастающее блокирование каналов политической обратной связи влечет за собой накопление ошибок госуправления, становится еще одним фактором снижения его эффективности. В свою очередь, политическая элита частично погружается в мир ею же порождаемых иллюзий, утрачивает чувство реальности. *Сложившуюся ситуацию автор статьи называет «демократией симулякров». И есть все основания с его диагнозом согласиться.*

Постиндустриальная эпоха бросает вызов стабильности мира, основанного на либеральных ценностях и формуле представительной демократии. Но и авторитарные модели не соответствуют степени разнообразия современного общества, обрекают его на деградацию, а сами обречены на неустойчивость. *Куда не кинь – всюду клин. И тут возможен вывод №2: не только демократия, но и стандартный авторитаризм страну тоже не спасет – столь сильно поменялся мир. Политические модели эпохи модерна – хоть либерально-демократические, хоть авторитарно-модернистские (адресующие к авторитарной модернизации) – попросту исчерпаны (или семимильными шагами уже идут к своему исчерпанию). Наступила эра постмодерна и старые модернистские схемы уже не работают. Выхода же в таком случае, по большому счету, только два: либо смириться с тем состоянием культуры, в котором мы (и весь мир тоже) оказались, либо... Либо выйти за пределы постмодерна, побив эту крапленую карту козырем нового проекта. Тяжело? Тяжело, но надо.*

Экономика постмодерна

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	Б.И. Молодцов ¹
Название	К вопросу об осознании явления «постиндустриализации» в современной экономике
Источник	Молодцов, Б.И. К вопросу об осознании явления «постиндустриализации» в современной экономике // Грані. – 2010. - №5. – Вересень – жовтень.
<i>Inf</i>	Статья опубликована в украинском журнале «Грані»

Отличительной особенностью пребывания общества постмодерна является его оторванность от реальности и экспансия знаковых форм во все сферы жизни. Знаки правят бал и в экономике. Это выражается в том, что в существующем ныне состоянии нереальные потребности выступают основой для производства реальных товаров, а, наоборот, сами потребности создаются специальным производством, носящим знаково-символический характер. Потребляются тоже не просто товары, а товары определенных торговых марок, брэндов (потребление брэндов). Это ведет к тому, что знаки сами создают референта и значения, действительность оказывается отражением знаков. Знаки взаимодействуют между собой и, в итоге, возникает самодостаточная знаково-символическая система, стремящаяся к неограниченной экспансии.

Серьезный вопрос, который при этом возникает, состоит в том, создает ли постиндустриализм (связанный с постмодернизмом) самодостаточную и устойчивую модель экономики. К примеру, этим вопросом озабочен М.Хазин². Как показывает анализ, весь феномен современной американской «постиндустриальности» построен исключительно на внеэкономическом, чисто спекулятивном перераспределении ресурсов в пользу высокотехнологичных отраслей экономики, т.е. на принципиальном и серьезном искажении ценовых пропорций в экономике США. Т.е. феномен существующей ныне постиндустриальности, скроенной по аналогии с США, может быть определен только как локальный, связанный со спецификой системы мирового разделения труда и контроля над единственным мировым эмиссионным центром. Вообще тот комплекс отношений, который характерен для экономики нынешних США, не может быть даже зародышем действительно постиндустриального состояния экономики, поскольку не обладает самодостаточной формой и существовать может исключительно в окружении значительно превышающего его по масштабу (и экономическому, и демографическому) индустриального модерна.

¹ Молодцов Борис Иванович, доцент кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат философских наук.

² Хазин Михаил Леонидович, президент консалтинговой компании «НЕОКОН», известный российский экономист, аналитик, давно говорящий о неминуемом крахе США, вызванном причинами финансово-экономического характера. Родился в 1962 г., в 1984 г. окончил механико-математический факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Является автором целого ряда публикаций.

Н.Н. Симкина¹
кандидат философских наук

Е.В. Васильева

Сравнительный анализ культуры постмодерна на Западе и в России²

В современной культурологии выделяют несколько вариантов определения понятия «постмодерн». Термин возник в конце 30-х гг. XX в. (Д.Джойс), затем в 1971 г. в своих трудах его упоминает американский исследователь И.Хасан. Впоследствии эстетику постмодернизма разрабатывали такие ученые, как Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Кристева, Ортега-и-Гассет и другие. Эти ученые разработали понятийный аппарат и сформулировали основные термины, выделили его ведущие черты.

Постмодерн (постмодернизм, поставангард, от лат. post – после и «модерн») – совокупное название художественных тенденций, обозначившихся в 1960-е гг. и характеризующихся радикальным пересмотром позиций модернизма и авангарда, отражающее современное состояние западного общества в целом.

Теоретически трудно провести четкое разграничение между модернизмом и постмодернизмом. К отличительным признакам искусства постмодерна относят предельный эклектизм и полифонию стилей и жанров, децентрацию композиции, разорванность сюжетных линий, дискретность повествования. Для постмодернистских произведений характерны цитирование, многоуровневые отсылки, игра смысла и феномен игры в общем.

Важными принципами постмодерна выступают ирония и самоирония; скептицизм по отношению к самоидентификации; уничтожение иерархий, границ, в том числе различий между «высоким» (элитарным) и «низким» (массовым) искусством, между автором и потребителем, произведением искусства и зрителем. Кроме того, в культуре постмодерна активно

¹ Симкина Надежда Николаевна, кандидат философских наук, доцент, специалист в области философии и культурологии. В 1979 году окончила философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1981 по 1984 гг. находилась в аспирантуре кафедры социальной философии МГУ. В 1985 году в Ученом совете МГУ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социально-философский анализ культуры». С августа 1979 года по ноябрь 2011 года преподавала на кафедре «Философия, история и социология» Брянского государственного технического университета. Автор более чем 60 научных и методических работ, среди которых такие учебные пособия как «Культурология», «Культура России в XX веке», «История русской культуры с древнейших времен до XIX века» (совместно с В.В. Савицким), электронный учебник по курсу «Культурология», среди публикаций также множество статей, в том числе опубликованных и в международных изданиях («Человек и общество: на рубеже тысячелетий» и «Философия в XXI веке» под ред. О.И. Кирикова. Воронеж). Научные работы Н.Н. Симкиной характеризуются обстоятельностью анализа и энциклопедичностью, многие из них являются хорошим материалом для подробного знакомства с ключевыми культурологическими дискурсами.

² Источник: журнал «Вестник Брянского государственного технического университета», 2008, №4 (20).

используются новейшие технологии (например, Интернет). Интеллектуальное ядро постмодернизма как философии образует постструктурализм, началом формирования которого следует считать время студенческой революции 1968 г.; в тот период постструктурализм развивался главным образом во Франции и США.

В рамках исследования важным и необходимым шагом будет выявление разграничений между понятиями культуры модернизма и постмодернизма. Обобщенно модернизм понимается как художественная практика (кубизма, футуризма, абстракционизма, сюрреализма и др.) с начала XX в. и до Второй мировой войны. Искусство постмодернизма охватывает широкую совокупность художественных течений в период после Второй мировой войны до настоящего времени.

Суть художественного творчества модернизма и постмодернизма принципиально различна. По своей природе модерн созидателен. Ему был присущ сильный пафос отрицания предшествующего искусства, но одновременно он был и созидательной работой.

Модернизм стремился к поиску и воплощению неких целостных художественных форм, постмодернизм демонстрирует обратное. Феномен постмодернизма – это феномен игры, опровержения самого себя, парадоксальности [5].

Содержание прошлого и нынешнего в постмодернизме подается с максимальной долей иронии. Постмодерн исключает употребление всерьез таких слов, как «душа», «слеза», «красота», «любовь», «добро». Для данной культуры характерно ироническое обращение к вечным темам, стремление осветить их аномальное состояние в современном обществе.

В связи с этим можно отметить, что по своей природе постмодернизм антиутопичен, не обращен в будущее и в некотором роде лишен надежды, в этом его отличие от модернизма. Модернизм, как и предшествующие художественные течения – романтизм, импрессионизм, символизм, – имел некую проекцию в будущее.

В ходе своего исторического развития постмодерн оказал неоценимое влияние на все виды и области искусства. Время появления литературного постмодерна некоторые исследователи связывают с выходом в свет книги Д.Джойса «Поминки по Финнегану» (1939г.). Характерные черты постмодернизма проявляются в произведениях Д.Бартелма («Вернитесь, доктор Калигари», «Городская жизнь»), Р.Федермана («На Ваше усмотрение»), У.Эко («Имя розы», «Маятник Фуко»), М.Павича («Хазарский словарь»). К явлениям российского постмодернизма можно отнести, например, сочинения А.Жолковского, «Бесконечный тупик» Д.Галковского, «Идеальную книгу» М.Фрая.

Постмодернизм оказал большое влияние на искусство кино. Массовый зритель знаком с постмодернистским кинематографом, в частности по работам американских кинорежиссеров В.Аллена («Любовь и смерть», «Разбирая Гарри»), К.Тарантино («Криминальное чтиво», «От заката до рассвета»). Фильмы позднего Ж.Л. Годара («Страсть», «История кино») представляют

собой образец «интеллектуального» постмодернизма.

В изобразительном и театральном искусстве влияние постмодернизма выражается в ликвидации дистанции между актерами (художественным произведением) и зрителем, в максимальной вовлеченности зрителя в концепцию произведения, в размывании грани между реальностью и вымыслом. В искусстве постмодерна процветают разнообразные акции («экшн»): перфоманс, хэппенинг и др.

Постмодернизм продолжает проникать и в другие сферы человеческой культуры и жизнедеятельности. Так, в архитектуре, отвергая рационализм «интернационального стиля» середины 20-х гг. XX в., он обратился к цитатам из истории искусства, к неповторимым особенностям окружающего пейзажа, сочетая это с новейшими достижениями строительной технологии.

В целом культура постмодерна – сложное комплексное явление, в связи с чем для простоты анализа необходимо выделить ее основные направления.

В музыкальном искусстве постмодерна параллельно сформировались сонористика и пуантилизм (1960-е гг.). Сонористика (ит. *sonore* – звучать) первоначально опирается не на высоту звука, а скорее на тембр. Польский композитор Ю. Лучук, например, исполняет свои произведения с помощью струн и педали рояля, игнорируя клавиатуру. Исходной единицей музыкального пуантилизма (фр. *point* – точка) становится пауза. Для направления характерна разорванность музыкальной ткани, разбросанность ее по регистрам, сложность ритмики и тактовых размеров. Возникает игра исполнителя одним пальцем и даже музыка без звука. В «Пяти пьесах по Давиду Тюдору» С. Буссотти первая пьеса представляет собой 30 секунд молчания, а третья – 45. Сходные приемы и пуантилистические находки использует московский коллектив «Russian Laptop Orchestra».

В популярной музыке постмодерна, доступной широким массам, сложилась тенденция обращения к истории и фольклору. В связи с этим стало распространенным направление фолк-рока, совмещающее в музыке элементы рока, фольклорные мотивы, мелодии европейского средневековья, в частности барокко. Помимо традиционных, фолк-рок-музыканты используют и инструменты симфонического оркестра, и настоящие народные фольклорные инструменты.

Сюжеты музыкальных композиций и песен частично берутся напрямую из фольклора, исторических легенд, используются также сюжеты художественной литературы стиля «фэнтези» [1]. Во время литературного бума на произведения Дж. Р. Р. Толкиена в стиле «фэнтези» («Властелин колец», «Сильмариллион» и др.), который наметился в последние десять лет, стали появляться ролевые клубы и музыкальные коллективы, черпающие свои тексты из его творчества («Hobbit Shire», «Nazgul Band», «Башня Rowan» и др.).

Помимо того, есть попытки совершенно нового авторского творчества, для которого фольклор, история, фэнтези являются лишь фоном, почвой. Примером этому может служить творчество певицы Пелагеи и группы «Мельница».

Стоит отметить, что своим успехом рок обязан на первый взгляд совсем

неочевидной связи с фольклором. Эта связь гораздо яснее в случае англосаксонской и кельтской музыкальной традиции и менее отчетлива в музыкальных традициях других народов. Однако, укореняясь на любой национальной почве, рок с неизбежностью постепенно начинает движение к местному фольклору. В итоге это должно привести к их полному слиянию, а вернее, возрождению фольклора через рок с сохранением музыкального и поэтического авторства [1].

В изобразительном искусстве западного и отечественного постмодерна сложились направления «поп-арт» и «соц-арт», которые можно рассматривать как в сопоставлении, так и противопоставляя их.

Поп-арт (англ. popular art – общедоступное искусство) – художественное течение, возникшее во второй половине 1950-х гг. в США и Великобритании. Кроме обычных методов живописи и скульптуры поп-арт применяет случайное, парадоксальное сочетание готовых бытовых предметов, механических копий (фотография, муляж, репродукция), отрывков массовых печатных изданий (реклама, промышленная графика, комиксы и т.д.). Поп-арт как художественное направление имеет ряд течений:

- оп-арт (организованные оптические эффекты, комбинации линий и пятен);
- окр-арт (композиции, организация окружающей зрителя среды);
- эл-арт (движущиеся с помощью электромоторов предметы и конструкции; впоследствии течение выделилось в направление – кинетизм).

Родоначальником поп-арта был американский художник Э. Уорхолл, представивший на своей первой выставке вместо картин этикетки от лимонада. Поп-арт выдвинул концепцию «общества массового потребления». Идеальная личность поп-арта – человек-потребитель, которому эстетизированные натюрморты товарных композиций должны заменить духовную культуру.

Эстетизация и идеализация вещи неоднократно встречались в искусстве. Демонстрация старой, изношенной вещи и вместе с этим утверждение новой, полноценной продукции «через отрицание» также характерны для поп-арта. В США дизайнеры и художники поп-арта, к примеру, часто изображают старые автомобили, с помощью которых «от противного», играя на контрасте, рекламируют всемирно известные марки новых американских машин.

С другой стороны, поп-арт может выступать и в более жестких формах: как рекламная пропаганда вещи и утверждение фетишистского отношения к ней. В фильме «Блоу-ап» одна из сцен показывает коллективное восприятие поп-музыки. Герой фильма с риском для жизни выхватывает гриф разбитой гитары музыканта и, преследуемый фанатами поп-арта, выбегает на улицу. Оторвавшись от преследования, он выбрасывает фетиш. Этот эпизод раскрывает суть «эстетического бунтарства» как средства привыкания личности к культуре массового потребления и массового отчуждения.

По мнению многих теоретиков постмодерна, исторической родиной поп-арта является Америка. Однако некоторые историки искусства ставят этот факт под сомнение. Задолго до того, в 1919 г., советский футурист Давид Бурлюк на одной из выездных выставок разместил экспонаты, которые сегодня можно

было бы отнести к искусству поп-арта, например носки, помещенные под стеклом в рамке.

Но, по убеждению большинства исследователей, в России поп-арта долгое время не было, поэтому в современной культурологии наиболее целесообразно говорить о российском «нео-поп-арте».

Однако в 1970-е гг. в условиях неофициального искусства художники В.Комар и А.Меламид основали уникальное направление в российском искусстве, которому не было аналога на Западе, – соц-арт. Некоторые культурологи называют его отечественным вариантом поп-арта, хотя, из-за советской специфики, сильно политизированным.

В своих работах художники соц-арта анализировали идеологию тоталитарного государства. В отличие от представителей поп-арта они работали с социальными и поведенческими моделями, не только с изобразительными, но и со словесными клише [6]. Их произведения воплощались как в форме традиционной станковой картины или объекта, так и в форме манифестов и перформансов.

Основным принципом соц-арта стала критика и осмеяние ценностей, культов и верований, которые навязываются человеку политической, экономической и духовной властью, неприятие всякой догматики. Соц-арт склонен к пародии, но не лиц и поступков советских вождей, а их интерпретации языком соцреализма, агитационной пропаганды.

Метод соц-арта основан на автокарикатуре и самопародии. Как и для поп-арта, для него характерно пародийно-разоблачительное отношение и к образам массовой культуры в целом [3].

С другой стороны, эстетика соц-арта больше романтическая. Она сочетается с основной постмодернистской идеей иронического осмысления традиции – как советской, так и классической русской и мировой. Как и Э. Уорхолл, представители соц-арта брали общезначимый и нужный образец – идеологический или соцреалистический штамп – и делали из него нечто явно абсурдное в рамках советской культуры [4].

Таким образом, перепроизводство и перепотребление, высмеиваемые поп-артом на Западе, не были характерны для соц-арта и СССР. Но, по словам А.Меламида, основным объектом соц-арта стало «перепроизводство идей» и их выражение через творчество [2].

В изобразительном искусстве постмодерна сложились и более узкие технические течения. Например, гиперреализм – направление в изобразительном искусстве последней трети XX в., сочетающее предельную натуральность образов с эффектами их драматического отчуждения. Живопись и графика подобны фотографии, скульптура представляет собой натуралистические тонированные слепки с живых фигур. Многие мастера гиперреализма (живописцы Ч. Клоуз и Р. Эстес, Дж. де Андреа, Д. Хэнсон в США) близки поп-арту с его пародиями на фотодокумент и коммерческую рекламу; другие – продолжают линию реализма, сохраняя традиционные структуры станковой композиции.

Старые средства выражения вошли в сочетание с новыми техническими

средствами творчества (помимо фотографии и кинематографа, видеозапись, электронная звуко-, свето- и цветотехника). Этот синтез достиг особой сложности в виртуальных образах компьютерных устройств последнего поколения.

Главной темой своих картин гиперреализм делает «вторую природу» городской среды: бензоколонки, автомобили, витрины, жилые дома, телефонные будки, которые подаются как отчужденные от человека. Гиперреализм показывает следствия чрезмерной урбанизации, разрушения экологии среды, доказывает, что мегаполис создает противочеловечную среду обитания. Однако российский гиперреализм в отличие от западного оставляет место портретной живописи современного («постмодерного») человека.

Наряду с гиперреализмом в конце 1960-х гг. возникает фотореализм («резкофокусный реализм», «документальный романтизм»). Произведения фотореализма основываются на сильно увеличенной фотографии и часто отождествляются с гиперреализмом. Однако – и по технологии создания образа, и, главное, по инварианту художественной концепции мира и личности – это хотя и близкие, но разные художественные направления. Гиперреалисты имитировали фото живописными средствами на холсте, фотореалисты имитируют живописные произведения, обрабатывая фотографии.

В России фотореализм возник в середине 1970-х гг., а первые выставки состоялись в 1980-е гг. Фотореализм утверждает приоритет документальности и художественную концепцию: достоверный, обыденный человек в достоверном, обыденном мире. Э.Булатов по этому поводу пишет: «Я должен изобразить не прекрасное и не ужасное, а самое обычное».

Фотореализм создает художественную реальность, «пропущенную» через фотообъектив, что абсолютно гарантирует подлинность и точную детализацию изображаемого события или объекта. Фотоизображение служит психологической и философской основой доказательства объективного существования окружающего мира. Основной постулат фотореализма: мир запечатлен на фото, значит, он существует. Российский представитель фотореализма Э.Булатов утверждает, что фотография есть гарант объективной данности.

В середине 1990-х гг. интерес к жанру фотореализма снова был возрожден, что напрямую связано с развитием новых технологий, расширивших технические возможности художников.

Для изобразительного искусства постмодерна последней трети XX в. также характерно использование возможностей видеотехники и цифровых технологий, представленное в направлении «видеоарт». Видеоарт применяет телеприемники, видеокамеры и мониторы, производит экспериментальные фильмы в духе концептуального искусства, которые демонстрируются в специальных выставочных пространствах. Главным основоположником направления считается американец корейского происхождения Нам Юнь Пайк.

В России видеоарт возник позже, чем на Западе, и фактически оставался непризнанным до начала 1990-х гг. Но в настоящее время возрастает число художников, работающих в этом направлении и получивших международное

признание: группы «Bluesoup», «Синие носы», художники В.Алимпиев, О.Чернышева, В.Мамышев-Монро и О.Кулик.

Среди направлений постмодерна стоит отдельно выделить те, которые переходят от создания эстетических объектов к произведениям-процессам, т.е. к «художественным событиям», осуществляемым либо самим художником, либо помощниками и зрителями, действующими по его плану; так называют и само событие или акцию (англ. action). Разновидностями акционизма могут выступать хэппенинг, перформанс, флэшмоб и др.

В хэппенинге используются световая живопись, звуки (человеческие голоса, музыка, звяканье, треск, скрежет), рассчитанные на шоковый эффект. В представлении включаются диапозитивы, кинокадры, иногда используются ароматические вещества.

Перформанс (от англ. performance – выступление, представление) представляет собой форму современного искусства, короткое представление, исполненное перед публикой художественной галереи или музея.

Другой разновидностью акционизма выступает флэшмоб – неожиданное появление незнакомых людей в заранее установленном месте в заданное время. Участники по сценарию совершают определенные действия, а потом быстро расходятся, растворяясь в толпе, так же как и появились. Флэшмоб представляет собой кратковременную акцию (обычно до 5 минут), яркую, возможно, несколько абсурдную. Датой возникновения художественного явления можно считать август 2005 г.; изначально флэшмоб развивался в США, но вскоре благодаря Интернету стал распространен и в России. С позиций рациональности флэшмоб представляет собой некое выражение «голоса современного человека» через взаимодействие художника с публикой.

Важнейшим этапом постмодерна, наряду с соц-артом и поп-артом, стал концептуализм, сложившийся к концу 1960-х гг. и поставивший своей целью переход от вещественных произведений к созданию свободных от материального воплощения художественных идей (концептов).

Идеальная форма выражения концептуального искусства состоит в том, что иногда оно вообще может обойтись без экспонирования. Пример такого подхода – известная нью-йоркская «Выставка-манифест» 1969 г., на которой было объявлено, что она состоит из каталога, а «материальное присутствие работ – дополнение к каталогу».

Концептуализм – искусство интеллектуальное, ироничное, возникшее в противовес искусству коммерческому. Составные части концептуальных композиций могли быть подобраны из предметов обихода или найдены на свалке, художественным объектом нередко становился сам автор. Так, С. Брисли в течение двух недель часами лежал в ванне, наполненной грязной черной жидкостью, в Лондонской художественной галерее (намек на загрязнение среды и плохую экологию). К. Арнатт повесил на себя вывеску «Я настоящий художник», сфотографировался и разместил изображение на выставке как выражение концепта: художник – тот, кто таковым себя считает.

В СССР в 1970-80-х гг. наиболее значительным художником-концептуалистом являлся И. Кабаков. Его творчество – это альбомы и стенды

из таблиц, каталогизированные фотографии, обрывки фраз, «канцелярский примитивизм».

В таблицах Кабакова есть пустующие ячейки, которые предполагают наличие еще не учтенных единиц либо существование иного измерения, где они отсутствуют вовсе. К подобному приему прибегали и другие концептуалисты, например композитор Д. Кейдж в произведении «4'33»», когда музыкант выходил на сцену и 4 минуты 33 секунды, не играя, стоял, затем кланялся и уходил. Инсталляция И. Кабакова «Коммунальная кухня» (1989 г.) исследует пространство коммунальной кухни не как место совместного утилитарного использования, а как арт-коммуникационный концепт – пространство параллельного сосуществования людей, вынужденно живущих в одной квартире.

Следует отметить особо, что на Западе концептуализм возник как реакция на массовую рекламу и СМИ, а в СССР актуальным было создание личного интеллектуального пространства, свободного как от идеологии, так и от противостояния ей. С конца 1960-х гг. в московской андеграундной культуре формируется особое концептуальное направление, суть которого сводится к наложению друг на друга двух языков: языка старой советской действительности и авангардного метаязыка, описывающего первый.

К школе московского концептуализма помимо упомянутых художников можно отнести творчество Р. и В. Герловиных, И.Чуйкова, акции групп «Коллективные действия» («КД») А. Монастырского, «Медицинская герменевтика» («МГ») П. Пепперштейна, группы «ТотАрт» (художников Н. Абалакова, А. Жигалова), «АптАрт» (Н. Алексеева) и др. Действия группы «КД», подробно и документально описанные в книге «Поездки за город» (1998 г.), представляют собой своего рода эстетические путешествия. Ритуал такого путешествия предполагает фиксацию этапов пройденного пути к месту действия и формы оповещения о нем. Всего с 1976 по 2000 г. группой «КД» было проведено 77 акций.

Кроме этого, принципы концептуализма были реализованы и в отечественной литературе. Концепты в литературе – это речевые и визуальные клише, возможно, имеющие идеологическую составляющую. Концепты могут выступать как идеи или абстрактные понятия, своеобразный ярлык к реальности, вызывающий отчуждающий, иронический или гротескный эффект.

В отечественной литературе 1970-1980-х гг. к концептуалистам можно отнести ряд самобытных авторов: Г.Сапгира, В.Некрасова, принадлежащих к «лианозовской школе», а также Д.Пригова, Л.Рубинштейна и др.

Творчество Д.Пригова строится на игре с речевыми штампами, сложившимися в советском обществе. Его стихи неразрывно связаны с авторской манерой чтения. Поэт связывает, сталкивает слова не по их значению, а по произвольным признакам. Рождение из этих сочетаний нового значения напрямую зависит от читателя, от его «включенности» в поэтическую систему автора.

Л.Рубинштейн своим творчеством внес изменение в традиционный способ существования поэтического текста. Его тексты хаотичны, драматичны,

напряженны.

Сходные тенденции проявлялись и в зарубежной литературе. В 1976 г. американский писатель Р.Федерман опубликовал роман «На ваше усмотрение», который можно читать по желанию читателя с любого места, перекладывая непрономерованные и несброшюрованные страницы. Такой прием базируется на способности человеческой психики выстраивать целостный образ на основе произвольно подобранных отрывков. В 1979 г. Ж.Риве выпустил роман «Барышни из А.», составленный из 750 цитат 408 авторов.

Т.Кибиров в поэме «Жизнь Константина Устиновича Черненко» использует штампы соцреализма, соединяя торжественно-официальный стиль с фельетонным эффектом. Для стихов Кибирова характерно использование разговорной речи, бытовых подробностей, игр с литературными образами и цитатами, в том числе официально-советскими.

Текстам современных российских концептуалистов-прозаиков (В.Пелевина, В.Сорокина, В.Ерофеева и др.) присущи основные составляющие постмодернистского произведения.

Так, В.Сорокин в своих произведениях использует ряд постмодернистских приемов, для него тоже характерны комбинаторика симулированных или клонированных текстов (стилизованных, имеющих чисто внешнее сходство), непоследовательность в развитии сюжета, игра словесными клише.

В произведениях В.Пелевина действует принцип коллажа, наслоения смысловых планов и цитат; тексту присущи, с одной стороны, дискретность, с другой – монолитность и строгость. Информационный мир Пелевина устроен так, что чем меньше доверия вызывает источник сообщения, тем оно глубокомысленнее.

Повесть В.Пелевина «Омон Ра» представляет всю историю советской космонавтики как «грандиозный обман» и выступает как злая сатира на преувеличения советской пропаганды. Однако немногие критики обратили внимание на финал повести, в котором выясняется, что весь сюжет разворачивался лишь в больном воображении главного героя.

Таким образом, в творчестве представителей концептуальной литературы постмодернизма можно выделить следующие важные приёмы, которые являются общими для всех: интертекстуальность, пародийный модус повествования (пастиш), дискретность, двойное кодирование, метод коллажа, метарассказ и использование цитат.

Следует также отметить, что в 1990-е гг. с концептуализмом в российское искусство возвращаются традиционные формы и сюжеты, стиль и техника прошлого, но при этом крепнет тенденция к более свежему и независимому взгляду – традиции перестают быть догмой благодаря представителям данного направления.

Итак, в результате анализа постмодернизма, его дефиниции, истоков, концепции и художественной практики может показаться, что это направление характерно исключительно для развитых капиталистических стран Запада. Однако это не так.

В целом в культуре и философии постмодерна на Западе и в России можно выявить ряд тематических совпадений и расхождений.

Ключевые понятия философии западного постмодернизма были ретранслированы в российский контекст лишь в незначительном количестве. Кроме того, в российском искусстве и арт-критике присутствуют элементы «оппозиции Западу». Огромную роль играет менталитет граждан, а также возрождающаяся и крепнущая в наши дни православная культура. Безусловно, для российского общества (как и для многих стран) характерна тенденция «вестернизации». Поэтому многие теоретики говорят о том, что в российском постмодерне есть две составляющие: новая «западная» и сильная «самобытная», сохранение и развитие которой – главная задача российского постмодерного общества.

Список литературы

1. Бахревский, Л.Н. Новая музыка Древнего мира. Парадоксы форм присутствия Традиции в Постмодерне /Л.Н. Бахревский. – М., 2006.
2. Мизиано, В.А. Беседа с Б. Орловым, Р. Лебедевым, Л. Соковым, Д. Приговым / В.А. Мизиано // Искусство. – 1990. – №1.
3. Курицын, В.Н. Концептуализм и соц-арт. Тела и ностальгии / В.Н. Курицын. – <http://www.russ.ru/artinrussia/sots-art/curitsynconcept.html>. – 2007.
4. Петров, В.М. Национальное или космополитическое? (О системных свойствах одного направления советского культурного андеграунда 60-х – 80-х годов) / В.М. Петров. – <http://www.guelman.ru>. – 2006.
5. Полевой, В.М. Популярная художественная энциклопедия / В.М. Полевой, В.Ф. Маркузон. – М., 1996.
6. Холмогорова, О.В. Соц-арт / О.В. Холмогорова. – М., 1994.

Постмодернизм в поле массовой культуры

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	Т.А. Хагуров ¹
Название	Постмодернизм в поле массовой культуры
Источник	Хагуров, Т.А. Постмодернизм в поле массовой культуры // Социологические исследования. – 2007. – №9.
<i>Inf</i>	Статья опубликована в журнале «Социологические исследования» («Социс»)

Предшественниками постмодернизма были структурализм и постструктурализм, левый радикализм Франкфуртской школы (фрейд-марксизм), а в более далекой перспективе – З.Фрейд, Ф.Ницше, К.Маркс и др. По замечанию Ю.Н. Давыдова, в философии Франкфуртской школы произошел поворот от критики существующих абсолютов к негативному Абсолюту, от критики ценностей к признанию критики и разрушения высшей Ценностью.

Хотя центральными линиями левого радикализма 1960-х являются марксизм и фрейдизм, в нем явно чувствуется сильное влияние Ф.Ницше с его ощущениями «смерти Бога», критикой «морали маленького человека» и пафосом деструктивного восстания против «лживых» социальных условностей. По-видимому, именно ницшеанство, в дальнейшем становится ведущим лейтмотивом постмодернизма, в его стремлении к ниспровержению «метатекстов». Философию франкфуртцев и вызванный ими интеллектуальный резонанс можно считать провозвестниками постмодернизма, однако существенное отличие последнего заключается в полном отказе от какого бы то ни было «позитивного проекта», тогда как первым еще присущ «реформаторский» (а значит явно или неявно, предполагающий нечто позитивное) настрой. В меньшей степени этот настрой присущ др. «прямым предкам» постмодернизма – структурализму и, особенно, постструктурализму.

В вышедшей в 1916 г. работе «Курс общей лингвистики» основоположника структурной лингвистики Ф. де Соссюра поднимается фундаментальный вопрос онтологии языка – что представляет собой язык, как знаковая система связана с существующими вещами? Существует ли устойчивая, онтологически обусловленная связь между означающим (знаком) и означаемым (вещью), или же она является произвольной? Фактически, Соссюр поднимает давний спор об универсалиях, берущий начало с полемики Сократа, а затем Платона против софистов. Суть проблемы универсалий, как известно, вкратце сводится к следующему: такие общие имена, как Истина, Добро, Справедливость – что это – наименование неких сверхчеловеческих реалий или просто названия, произвольно даваемые людьми тем или иным феноменам? Вся раннесредневековая философия вслед за Платоном склоняется к крайнему реализму – универсалии существуют безусловно и предшествуют вещам. Начиная с Фомы Аквинского преобладает традиция умеренного реализма – универсалии существуют в вещах

¹ Хагуров Темыр Айтчевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник Краснодарского отдела Института социологии РАН.

(т.е., например, справедливость не может существовать, если нет справедливых людей). Наконец, начиная с работ У.Оккама, набирают силы позиции номинализма, утверждающего, что универсалии суть не более, чем имена.

В этом же самом ключе, лишь с чуть более расширительных позиций (не только универсалии, но вообще, знаки языка) развивает свои идеи Соссюр, в поисках онтологии языка. Его позиция может быть означена как «крайний номинализм», согласно которому, связь между означаемым и означающим является произвольной. С этой точки зрения, в основе функционирования языка лежит различие между звуками и буквами, а не какая-либо онтологическая связь с миром вещей. Подобное понимание природы языка означало полный отрыв знака (означающего) от референта (означаемого) и, фактически, сводило все философские и этические споры, поиски истины, долго волновавшие умы, к «языковым играм». Человек живет в мире знаков, им произвольно употребляемых и трактуемых. Реальному бытию места не остается.

Деррида, начиная с критики «означаемого», развивающей идеи Соссюра в том направлении, что любая попытка увидеть за знаками языка осмысленный текст есть не что иное, как «навязывание смысла», представляющее собой навязчивый симптом европейской культуры. Впоследствии Деррида переходит к масштабной критике наиболее влиятельных идеологов современности, начиная с Просвещения – Разума, Прогресса, Науки, Социального благополучия, осуществляя их последовательное развенчание, «деконструкцию», распространяемую затем на ценности как таковые. Деррида емко выразил общее умонастроение постмодернизма – нет надежды найти смысл в бессмысленном, остается лишь эстетически переживать эту бессмысленность.

У М.Фуко две основные идеи. Во-первых, теория этапной «смены эпистем». По мысли Фуко каждому историческому периоду соответствует особая эпистема – общее смысловое поле, объединяющее дискурсы различных типов знания. В рамках эпистемы происходит установление критериев истинного и ложного, нормального и патологического, правильного и неправильного. Т.о., любые критерии, определяющие реальность, любые нормативные ограничения оказываются относительными, имеют дискурсивную природу пересматриваясь по мере смены господствующих эпистем. Во-вторых: все, что определяется господствующей эпистемой как «отклонение» или «извращение» является лишь репрессией, подлинная реальность – это ничем не ограниченная и требующая максимизации сексуальность.

В работе «Состояние постмодерна» Ж.-Ф.Лиотар исследует «трансформации знания в современных обществах». Рассматривая сущность и содержание различных систем легитимации научных и др. идей, претендующих на универсально-объяснительный статус, Лиотар приходит к выводу, что любое знание суть не более, чем интерпретация, заданная некими предпосылками (скорее, даже предрассудками), содержащимися в структуре того или иного мета-нарратива. Т.о., вся научно-философская традиция оказывается не более, чем «языковыми играми», чередой интерпретаций текстов, имеющей мало связи с реальностью.

Постмодернизм проникает в культуру и как следствие «В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь. Все смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. Начинается особый драйв: быстро растет количество убийств, изнасилований, совращений, аборт, пыток. Отменяется вера в разум, увеличивается роль несчастных случаев, случая вообще. ...Многие герои либо безумны, либо умственно неполноценны. На место психологической прозы приходит психопатологическая». Литература стремится иллюстрировать постмодернистскую мысль, что «...под тонким культурным покровом человек оказывается неуправляемым животным».

Не менее ярко, хотя и значительно позднее, описываемые тенденции проявились в кинематографе – в творчестве К.Тарантино, К.Родригеса, М.Скорцезе, Л.Бессона. Для их фильмов характерна эстетизация насилия и разврата, которая сопровождается разорванной темпоральностью и провоцирующим смешением жанров. При этом наблюдается все тот же импульс «альтернативности», проявляющийся в подборе героев (например, сентиментальные наемные убийцы у Тарантино и Бессона), выборе сюжета (скажем, кошунственная «реинтерпретация» Евангелия в «Последнем искушении Христа» Скорцезе) и специфической технике и содержании съемки (скажем, показ крупным планом инъекции героина в «Криминальном чтиве»).

Наиболее яркие примеры реализации постмодернистского стремления к отказу от традиционных морально-нравственных и эстетических ценностей в кассовых фильмах:

- «Криминальное чтиво» К.Тарантино: разрыв сюжетной и темпоральной линии; главные герои – наемные убийцы (симпатичные, сентиментальные, склонные пофилософствовать); крупным планом – техника инъекций героина, изнасилование босса мафии двумя извращенцами, несколько убийств.
- «От заката до рассвета» К.Тарантино – история двух братьев убийц-грабителей, один из которых психопат-извращенец, захвативших заложников; на середине фильма происходит резкая смена жанра и сюжета – фильм из триллера-боевика превращается в «ужастик» и преступники вместе заложниками сражаются с внезапно появившимися вампирами; крупным планом – кровь, убийства, мерзкие вампиры.
- «Леон» Л.Бессона: история сентиментального киллера, который сохраняет моральные принципы, т.к. «не убивает женщин и детей», обучающего при этом девочку 12 лет профессии киллера дабы она могла отомстить убийцам своей семьи; крупным планом – многочисленные убийства.
- Кино-трилогия по романам Т.Харриса «Молчание ягнят», «Красный дракон», «Ганнибал», главным героем которой является симпатичный, интеллектуальный и утонченный людоед-психопат доктор Ганнибал Лектор.
- «Основной инстинкт» П.Верховена – главная героиня – эмансипированная нимфоманка, психолог, писатель-интеллектуал и маньяк-убийца в одном лице.

Традиционное различие высокого и низкого, допустимого и запрещенного, нравственного и аморального уступает место широкому полю «дискурсов», «интерпретаций» и «альтернативных реальностей».

С чем остается человек, сбросивший «игу» «текстуальных традиций» культуры и «защитных механизмов и реактивных образований» своего «буржуазного», «тоталитарно-рационального» Сверх-Я? Ответ постмодернизма – с фрейдовским «принципом удовольствия», «естественно-природным», а следовательно, универсальным бессознательным Либи́до. Отсюда – гедонистические стремления сегодняшнего общества.

Одним из любопытных с теоретической точки зрения, но печальным, с практической, результатом распространения постмодернистского гедонизма является нарастание садо-мазохистских импульсов в тех областях культуры и искусства, которые в наибольшей мере подверглись влиянию постмодернизма. Откуда эти импульсы? Ответ прост. Как справедливо указывает Ю.Н. Давыдов, у принципа удовольствия есть один заклятый враг: скука, возникающая при неумеренном повторении одного и того же, пусть даже самого возбуждаемого удовольствия. И чтобы противостоять ей, необходимо «взбадривать» его с помощью извращения, сообщаящего ему «оргиастичность». Эта идея широко эксплуатировалась практическими психологами-бихевиористами, прекрасно знающими, что мотивирующая сила импульса (например, материальных вознаграждений на производстве) убывает по мере привыкания к нему. Соответственно, чтобы поддержать интенсивность реакции на импульс нужно модифицировать, либо интенсифицировать сам импульс.

О социальной сущности современного искусства

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	Д.В. Потапов
Название	О социальной сущности современного искусства
Источник	Потапов, Д.В. О социальной сущности современного искусства // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №1. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/-1-2011/filosofiya/potapov.pdf .
Inf	

Постмодернизм как культурное движение живет критикой модернизма, присущих ему стандартов и ценностей, а в более узком смысле представляет собой методологию деконструкции. Как критика классической рациональности постмодернизм выступает против тоталитаризма структуралистской логики, оперирующей бинарными оппозициями, выстраивающей свои объяснения через подчинение одного термина другому, подавляющей личность. Постмодернизм хотя и сосредоточен в художественно-эстетической области, но в реальной практике значительно шире и его принципы – игра, полистилистика, эклектика, гипертекстуальность и др. – вошли в повседневность.

Часто утверждается, что в художественной литературе постмодернизм преемственен модернизму, а находки Д.Джойса, Т.Элиота, В.Вулф, Д.Лоуренса в области языка заимствуются постмодернизмом. В живописи подобную роль сыграли П.Пикассо, А.Матисс, Н.Родченко, Ж.Брак, Махоли-Наги, чьи работы исчерпали возможность эпатировать зрителя с помощью экспериментов художественной формы. Поэтому за общезначимое выдается мнение, что в культурно-эстетическом плане постмодернизм выступает как освоение опыта модернизма как эстетического феномена. Однако в отличие от прежних форм, в т.ч. и авангардного искусства, постмодернизм порывает с дидактически-профетическим пониманием искусства.

О ценностях постмодернизма

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	А.А. Гревцева
Название	Место и роль ценностей постмодернизма в «культурной глобализации»
Источник	Гревцева, А.А. Место и роль ценностей постмодернизма в «культурной глобализации» / А.А. Гревцева // Вестник ОГУ. – 2009. - №7(101). – Июль. – С. 17-22.
<i>Inf</i>	

В середине XX в. происходит усложнение всех форм жизни, уменьшение стабильности и ускорение процессов развития, нарастание мультимедийности. С этого момента принято начинать отсчет эпохи постмодернизма. Она характеризуется неприятием масштабных теорий, трансконтекстуальных понятий истины и вообще каких бы то ни было претензий на истину. В постмодернистской философии ведущая роль принадлежит «свободе от чего бы то ни было». Провозглашение свободы и неподчинение правилам привели к абсолютизации спонтанности человеческой деятельности и плюрализму философских позиций. Постмодернистская культура – это культура «массовой индивидуальности». Разум отныне занимается интерпретациями, а категории научного мышления (истина, сущность, закономерность и т.д.) теряют свою актуальность. Абсолютизируется роль обыденного мышления, в культуре постмодерна идти по пути поиска истины – идти по ложному пути.

Процесс глобализации, сопровождаемый информационно-технологическим развитием, способствует формированию нового типа общества с новыми ценностями. И если ранее центральное место среди ценностей занимал «гуманизм с его впечатляющей, но абстрактно-рационалистической концепцией человека и социалистический гуманизм, редуцировавший человека до совокупности общественных отношений», то сейчас одними из главенствующих ценностей становятся время и информация. Фактически исчезает отдельный индивид и возникает глобальное информационное сообщество.

Поколение Next: студент эпохи постмодерна¹

Нынешняя генерация вузовских студентов - поколение Next - принесла с собой в аудиторию целый ряд личностных и социальных особенностей, которые подчас ставят в тупик работников образования. Будучи продуктом совершенно иной социальной реальности, нежели поколения, представленные профессорско-преподавательским составом, эта генерация проявляет постмодернистский тип поведения и потребительское отношение к образованию, которые крайне плохо сочетаются с традиционной схемой преподавания знаний в высшей школе [1]². Данная статья представляет обзор характерных черт поколения Next и содержит рекомендации, как помочь его представителям добиться успехов в высшем образовании.

Люди нового тысячелетия или поколение Next

Следует сразу оговориться, что обобщения относительно целых поколений — занятие по меньшей мере рискованное, особенно если речь идет о таком разношерстном племени, как поколение Next. Тем не менее существует заимствованная из социологии и антропологии концепция модальной личности, которую уже долгое время успешно используют для описания основных личностных тенденций, характерных для той или иной группы либо популяции [2]. Если не забывать, что внутри любой группы существует большая вариативность, и не подходить к модальным тенденциям догматически как к неким стереотипам, то некоторые обобщения все же могут оказаться полезными для понимания природы поколенческих групп.

В наше время отдельные поколения часто становятся объектом описания, причем особенно пристальное внимание уделяется поколениям, следующим за беби-бумерами — теми, кто родился непосредственно после 1965 года [3]. В отношении более ранних поколений существует определенное единство мнений, а вот по поводу свойств и перспектив нынешней молодежи мнения существенно расходятся.

Нейл Хау (Neil Howe) и Уильям Страусс (William Strauss), наиболее плодовитые авторы массовых изданий, объявили современную молодежь «людьми нового тысячелетия» (Millennials) [4], «следующим великим поколением» вслед за военным «Величайшим» поколением 1901–1924 годов рождения [5].

Однако многие работники высшей школы не отмечают столь блестящих достоинств у своих студентов, по крайней мере в их массе, если говорить о менее престижных вузах с низким конкурсом или об учебных заведениях с двухгодичным курсом обучения. Хау и Страусс обнаруживают у поколения нового тысячелетия, в частности, следующие качества:

¹ *Mark L. Taylor. Meeting Generation NeXt. Today's Postmodern College Student.* Перевод с английского Никиты Дунаева. Источник: <http://jarki.ru/wpress/2009/01/26/413/>.

² Учитывая, что список литературы достаточно обширен и весь на иностранном языке, он в данном выпуске не представлен. С ним при необходимости можно ознакомиться по адресу <http://jarki.ru/wpress/2009/01/26/413/>.

- «Стремление к хорошим оценкам и успеваемости». Однако в действительности нынешнее поколение не только не стремится хорошо учиться, но, напротив, представляется наименее усердным племенем студентов всех времен [6]. Это самые равнодушные к учебе и недисциплинированные студенты, они крайне мало времени проводят за учебниками, испытывают скуку от учения и часто опаздывают на занятия – все это вопреки инфляционно высоким оценкам школьных аттестатов [7].

- «Уважение к общественным нормам и институтам». Нынешняя молодежь не только не отличается гражданской лояльностью и корректностью поведения, как уверяют Хау и Страусс, но ее (да и общества в целом) неучтивость стала притчей во языцех и широко освещена в литературе [8]. Рекордно низкие показатели гражданской активности свидетельствуют о невысоком уровне гражданского сознания, плохом знакомстве с правилами общественного поведения, а также о слабых связях с традиционными общественными структурами [9].

- «Активное участие во внеаудиторной деятельности» и «готовность выполнять общественную работу». Высокая вовлеченность в подобную работу действительно отмечается среди учащихся старших классов средней школы, однако этот показатель стремительно падает после их поступления в вуз. Отсюда можно сделать вывод, что старания старшеклассников могут быть обусловлены программой или жесткими требованиями школы в отношении общественной работы.

- «Больше интересуются математикой и естественными науками и меньше — гуманитарными». Согласно данным, приводимым Астином (Astin) и другими сотрудниками Исследовательского института высшего образования (Higher Education Research Institute) [10], данное поколение проявляет крайнее равнодушие к учебе и не выказывает особого интереса ни к математике, ни к естественным, ни к гуманитарным наукам.

- «Требуют создания безопасной, регламентированной среды обучения». Несмотря на то что нынешние студенты подвержены стрессам, живут в условиях ухудшающейся экологии и нередко находятся на грани нервного срыва [11], вряд ли кто-нибудь из работников высшего образования станет утверждать, что студенты так уж жаждут более безопасной или регламентированной среды, — особенно учитывая тот факт, что ужесточение мер безопасности и внутреннего распорядка могут наложить ограничения на их собственное поведение и стеснить личную свободу.

Некоторые черты, свойственные, по мнению Хау и Страусса, генерации нового тысячелетия, в принципе, адекватны и даже самоочевидны: взаимопонимание с родителями, склонность к новым технологиям, этническая пестрота и количественное преобладание женского студенческого контингента. Однако по сравнению с перечисленными выше пунктами эти черты менее существенны для обучения; к тому же в реальных условиях учебного заведения они могут проявляться самым неожиданным образом и отнюдь не всегда способствуют улучшению учебного процесса и личностному развитию, как будет показано ниже. В целом перед нами совсем не то, что подразумевалось

под понятием «люди нового тысячелетия». Студенты, могущие претендовать на это звание, не составляют большинства вузовского контингента. Если их где-то и можно встретить, то, вероятно, в элитных учебных заведениях. Подавляющее же большинство студентов следует рассматривать не через призму приписываемых им субъективных черт, а в свете конкретных условий их социализации и особенностей эпохи постмодерна.

Поколения эпохи постмодерна

Поколение Next — это прямое порождение изменяющихся социальных условий, в совокупности образующих явление постмодерна. Личное мнение и потребительский интерес теперь гораздо сильнее влияют на формирование ценностной системы и практику повседневных решений, чем ценности традиционные, такие как религия и наука [12]. Как сказал Вацлав Гавел, бывший президент Чешской Республики: «Мы живем в постмодернистском мире, где все возможно и почти ни в чем нет определенности» [13]. **Высшее образование в целом основывается на ценностях Нового времени (модерна), которые уходят корнями в эпоху Просвещения и неразрывно связаны с такими понятиями, как оптимизм, познаваемость истины, наука и разум. Постмодерн более склонен к пессимизму, провозглашает, что «истина» для каждого своя, ставит личное мнение и предпочтение выше истины, а личный опыт — выше науки и разума и не признает авторитетов** [14].

Глубинные культурные перемены произошли в устройстве семьи, что в свою очередь привело к изменению социализационных моделей, агентов социализации и динамики межличностных связей. Еще в 1960-х годах 75% семей соответствовало классической схеме: работающий отец, мать-домохозяйка и по крайней мере один ребенок; однако к 1997 году в эти критерии укладывались уже лишь три семьи из ста [15]. Подобная трансформация семьи — самая радикальная со времен индустриальной революции, когда главы семейства бросили фермы и подались в промышленные города.

Великий исход матерей на рынок труда и рост количества разводов привели к тому, что нынешнее поколение детей испытало на себе уникальный опыт воспитания — по крайней мере для США. Распространение дошкольных детских учреждений с пеленок превращало детей в потребителей, особенно в неполных семьях, которые постепенно становились преобладающей формой семьи. В дошкольных учреждениях ребенок подвергается множеству моделей социализации, воспитания и надзора — сколько наставников, столько и моделей. А поскольку персонал детских учреждений — это одна из наиболее плохо подготовленных и низкооплачиваемых категорий работников в нашем обществе, качество социализации детей и приобщения их к культурным ценностям, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Многие уже в раннем возрасте получали от родителей ключи от квартиры и после школьных занятий оказывались предоставлены самим себе, проводя время в обществе телевизора (на экране которого чем дальше, тем больше господствовали насилие и секс). Все эти многочисленные и бессистемные социализирующие влияния не могли не сказаться на отношении подросших детей к высшему образованию.

Характерные черты поколения Next

Вместо того чтобы сидеть и ждать от наших абитуриентов проявления признаков провозглашаемой Хау и Страуссом новой великой поросли, гораздо продуктивнее будет признать, что представители поколения Next являются неизбежным продуктом нашего потребительского постмодернистского общества, описать их характерные особенности и выработать эффективный план действий. Учитывая вышеописанные социальные влияния, логично предположить, что представителям поколения Next свойственны следующие характеристики.

Потребительское отношение к жизни

Потребительство и свобода личного выбора приобрели огромное значение в период после Второй мировой войны и ныне считаются едва ли не самыми главными американскими ценностями. Правда, религиозные и традиционные представления более ранних эпох, а также ценности науки и разума, порожденные Новым временем, продолжают сосуществовать с веяниями постмодерна, однако есть масса свидетельств мощнейшего влияния последнего, особенно в крайних проявлениях потребительства. В образовании, как и в любой другой области жизни, все большее значение приобретает модель «производитель — потребитель», накладывая существенный отпечаток как на отношение студента к целям обучения, так и на взаимодействие студента и вуза. Студенты настаивают на немедленном удовлетворении своих желаний, ищут наиболее выгодных сделок, склонны торговаться, а в случае недовольствия могут начать судиться. И хотя многие вузы перешли на модель обслуживания студентов как клиентов, тем не менее **остается острой проблема, выражающаяся формулой: «Я заплатил за обучение, а теперь будьте добры предоставить мне знания (или диплом)»** [16].

Ориентация на развлечение

Начиная с детской телепередачи «Улица Сезам» поколению Next внушают, что обучение должно быть увлекательным, легким и доставлять удовольствие. Теперь молодые люди могут ожидать, что легкими и увлекательными будут любые их занятия. Между тем подобные представления плохо сочетаются с усердием и кропотливым трудом, необходимыми для получения серьезного высшего образования, равно как и с привычной для большинства преподавателей лекционной формой обучения. Многие, если не большинство преподавателей, воспитанных на научном методе Нового времени, все чаще теряются при попытке заинтересовать своим предметом студентов эпохи постмодерна. Наставники жалуются, что их подопечные хотят получать хорошие оценки при минимуме усилий, что студенты и вузовская администрация ждут от них искусственного завышения успеваемости, что образовательные стандарты падают, а студенты проявляют инертность [17].

Право потребителя

Основной принцип потребительской модели таков: если заплачено, то вынь да положь. Студенты поколения Next полагают, что имеют право на получение товара (курсового зачета или даже диплома) уже просто потому, что оплатили обучение. Некоторые из них притязают на то, чтобы самим

определять форму и содержание получаемых знаний, словно знание — это товар, который должен быть доставлен желаемым образом. Рекордно высокая инфляция школьных оценок лишь укрепляет представления о возможности добиться академических успехов, не прикладывая особых усилий.

Торг

Склонность торговаться — еще один аспект потребительского отношения к образованию. Если в мире нет абсолютных ценностей, то все подлежит торгу.

Начиная с этапа выбора вуза, когда выторговываются пакеты льгот и субсидий, у студентов складывается впечатление, что в дальнейшем они смогут торговаться и о формах обучения, и о собственном поведении, и о финансовой стороне учебы в вузе. Многие студенты смотрят на программу курса примерно так же, как на цену в витрине автосалона: курс рассматривается не как окончательный контракт, а лишь как стартовая цена, которую можно попробовать снизить. Как ни странно, этим особенно грешат старшекурсники и аспиранты, хотя уж кому, как не им, должны были привить верные представления об образовании.

Неверие в традиционные ценности

В постмодернистской культуре нашего времени традиционные модели премодерна и модерна — соответственно религия и наука — не могут одержать верх в противоборстве с потребительством, развлечениями и гедонизмом (как принципом немедленного получения удовольствия). Сегодняшняя молодежь готова проявлять терпимость к чему угодно, только не к тем, кто возводит в абсолют собственную модель мира. И это создает немалые трудности как для приверженцев традиционной религии, так и для работников образования, проповедующих ценности науки и разума. Свобода поколения Next от нравственных норм, нарушение которых должно было бы вызывать чувство вины, возможно, способствует раскрепощению, но оно делает человека беспомощным в вопросах этики и неспособным оценить последствия своего поведения для себя и окружающих. Справедливости ради надо отметить, что после терактов 11 сентября у части студентов, похоже, происходит сдвиг к более консервативным ценностям.

Несдержанность желаний

Постмодернистская культура крайне щепетильно относится к личным потребностям. Если у вас возникла потребность, ее следует немедленно удовлетворить, и среда должна предоставлять для этого все необходимые условия. Молодежь ежедневно сталкивается со множеством подобных примеров, ее всячески побуждают к такому поведению. Традиционные представления о необходимости сдерживать сиюминутные желания сегодня почти полностью утратили привлекательность. Это весьма отрицательно сказывается на образовании, ведь получение диплома требует длительных усилий. Отсутствие у поколения Next, и в первую очередь его кумиров, нравственной сдержанности оборачивается необузданностью желаний и неразборчивостью в средствах их удовлетворения.

Жизненная близорукость

Эта черта тесно связана с предыдущей. У многих представителей поколения Next крайне низко развиты навыки критического мышления, они пасуют перед трудностями и не умеют надолго планировать свои действия. Если психология потакания своим желаниям, неумение сдерживаться говорят об отсутствии премодерных ценностей, то неспособность планировать будущее нужно признать результатом плохого усвоения ценностей модерна: рациональности, логики, расчета.

Приспособляемость и прагматизм

Научившись с младых ногтей подстраиваться под различные требования многочисленных воспитателей и ознакомившись — через СМИ или непосредственные контакты в мультикультуральном обществе — с самыми разными стилями жизни и поведения, молодежь поколения Next превосходно адаптируется к самым разнообразным обстоятельствам и условиям. Кроме того, не будучи стеснены никакой традиционной идеологией — усвоенной или разделяемой лишь внешне, — представители этой генерации более трезво и прагматично подходят к жизненным проблемам и применяют для их решения любые подходящие средства.

Высокая самооценка

Хау и Страусс [18] пишут, что нынешние студенты уверены в своей уникальности, в том, что они олицетворяют надежды страны и чаяния своих родителей. Насчет родителей — возможно, так оно и есть, а вот по поводу надежды нации возникают большие сомнения. Многие, если не большинство, считают себя вундеркиндами. В детстве они участвовали в играх и соревнованиях, где призы присуждались всем без исключения — причем призы одинакового достоинства. Если взрослые отзывались о каком-то ребенке как о лучшем или более способном, чем другие, или проводили иное различие между детьми, они немедленно подвергались порицанию за непедagogичность и неспособность признать уникальность дарований каждого ребенка. В начальной и средней школе прилежание все чаще ценят выше успеваемости, пытаясь тем самым развить в детях высокую самооценку и инициативу. Искусственное завышение оценок при низком уровне знаний в старших классах школы ведет к тому, что многие абитуриенты приходят в вузы в полной уверенности, что можно будет добиться высоких результатов без особого напряжения. Многие затем испытывают настоящее потрясение, столкнувшись с реальными требованиями и трудностями учебы в вузе.

Некоторые учебные заведения — к примеру, известный Бенедикт-Колледж в городе Колумбия, штат Южная Каролина, — в качестве эксперимента выставляют оценки не только за успеваемость, но и за прилежание.

Они знают, чего хотят

Многие из сегодняшних студентов готовы заботиться сами о себе, привыкнув к этому с раннего возраста, и потому производят впечатление людей самостоятельных, знающих, чего хотят. И хотя подчас их капризная требовательность выглядит как проявление зависимости, на самом деле они лишь упрямо добиваются своей цели, используя для этого любые средства.

Многие из них были объектом чрезмерного внимания со стороны родителей, что также воспитывает сосредоточенность на собственных интересах и завышенную самооценку.

Скептицизм

Сочетание множества факторов вызвало падение доверия к авторитетам и традиционным источникам знаний, что является важнейшей чертой постмодерна [19]. В результате студенты стали подвергать сомнению истинность преподаваемых им сведений и придают гораздо больше значения личному опыту, а это чрезвычайно затрудняет процесс высшего образования, так как оно по большей части дидактично и во главу угла ставит объективность.

Цинизм

Среди американцев отмечается беспрецедентно низкий уровень доверия к институтам государства, средств массовой информации, религии и бизнеса; поколение Next не является исключением и считает эти институты коррумпированными и ненадежными [20]. Получившие широкую огласку случаи, когда правительственные чиновники лгут, журналисты пишут небылицы, священники оказываются педофилами, а бизнес-элита мошенничает, способны лишь укрепить уверенность, что ради выгоды люди готовы идти на все, невзирая на последствия для окружающих. Начинает казаться, что проблема добра и зла отступает на второй план, главное же — это умение заморочить людям голову и заставить плясать под свою дудку. Возникают законные вопросы: почему же новое поколение должно доверять высшему образованию, если все остальные институты оказались недостойны доверия. И как высшему образованию завоевать доверие студентов

Вопросы безопасности

Поколение Next знает не понаслышке, что мир полон опасностей: это мир, где студенты убивают своих сверстников и преподавателей, где существуют педофилы, похитители детей, террористы и даже родители-садисты и убийцы собственных детей. Бдительные родители и специальные школьные уроки безопасности научили детей быть крайне осторожными и подозрительными. К тому же налицо учащение издевательств и побоев учащихся со стороны сверстников. Нет никаких оснований надеяться, что нынешние студенты автоматически воспримут вуз как безопасное место и, к великому сожалению, что они возьмут на себя ответственность за собственную безопасность.

Стресс

Молодежь поколения Next подвержена сильному стрессу - во многом именно из-за отсутствия безопасности, - хотя старается не показывать этого. Целый клубок проблем - работа, деньги, долги, учеба - вызывает чувство безысходности. Огромное большинство студентов признавались, что у них порой опускаются руки [21]. Следует добавить, что мало кто из представителей нынешней молодежи обладает достаточными социальными навыками, привязанностями, контактами, чтобы найти прибежище от стрессов в традиционных институтах (в компании сверстников, семье, среди соседей, в церкви).

Недостаток воспитанности и отзывчивости

Для многих нынешних молодых людей, как и для современного общества в целом, характерна крайняя невоспитанность. Грубость, в отличие от деликатности, часто вознаграждается — по принципу «масло достается тому колесу, что скрипит». В отличие от исполненных серьезности «Величайшего» и «Молчаливого» поколений и эмоциональной генерации беби-бумеров сегодняшняя молодежь считает, что выглядеть участливым — это «не круто»; ее можно охарактеризовать как агрессивно бесчувственную. Сегодняшние молодые люди выглядят эмоционально зажатыми, особенно по сравнению с другими поколениями, и их трудно расшевелить и увлечь.

Интеллектуальное равнодушие

Как уже говорилось, нынешнее поколение, пожалуй, — наименее усердное за всю студенческую историю. Студенты не желают учиться или хотя бы соблюдать дисциплину, чрезвычайно мало времени проводят за учебниками, скучают на занятиях и чаще, чем прежде, опаздывают на них.

Для многих целью является вовсе не приобретение знаний – внимания удостаиваются лишь предметы, имеющие непосредственное отношение к будущим заработкам. Особые трудности подобное отношение создает для преподавателей общеобразовательных дисциплин, в первую очередь гуманитарных, но также алгебры и базовых естественных наук. Современная молодежь, бесспорно, имеет доступ к небывало широкому объему информации, но, к великому сожалению, не обладает способностью отличать важное от второстепенного. Они живо интересуются лишь тем, какой материал войдет в экзаменационные билеты и что потребуется, чтобы получить хорошую оценку.

Резиньяция

Их мир столь сложен, насыщен информацией и суров, что многие в качестве жизненной позиции избрали инфантильность, решив, что всех знаний не усвоить, а жизнь все равно неуправляема. Многие считают, что судьба или случай больше влияют на жизнь, чем их собственные усилия, и потому относятся ко всему безучастно. Но ни инфантильность, ни вера в случай не способствуют успешной учебе.

Избирательная склонность к риску

Неспособность видеть хотя бы на несколько шагов вперед, многочисленные примеры эксцентричного поведения людей во всех сферах жизни от спорта до секса, отсутствие традиционных внутренних и внешних моральных ограничений – все это создает идеальную питательную среду для рискованных экспериментов и всяческих «приколов», от лыжной акробатики до татуировок на лице. Для многих в поколении Next чувство страха — это не сигнал приближающейся опасности, а побудительная причина, чтобы идти напролом и до конца. Как ни странно, они почему-то не проявляют особого авантюризма в учебе, предпочитая выполнять задания «от сих до сих».

Личные взаимоотношения

Поскольку в период становления личности нынешние молодые люди видят вокруг разрушение традиционных межличностных связей, нет ничего удивительного в том, что многие из них подвергают свои отношения с другими

людьми экспериментам в самых широких пределах. Учащающиеся издевательства и побои в среде сверстников делают эту среду небезопасной, и потому многие предпочитают искать дружбу и любовь в онлайн- и виртуальном варианте. В сочетании с потребительством и нетерпеливостью желаний это зачастую не дает наладить прочные и близкие отношения с кем бы то ни было.

Родители

Одно из существенных отличий поколения Next от предшествующего поколения X — более активная роль родителей в его жизни. Родители как никогда ранее опекают своих повзрослевших детей: сдают за них приемные документы, выторговывают льготы, заполняют регистрационные бланки и всячески опекают свое чадо, вмешиваясь в процесс обучения. Сильно упрощая, можно объяснить этот феномен тем, что поколение X пришлось на период спада рождаемости; найти свое место и свой собственный путь в жизни их отцам казалось более важным, чем рождение детей. Напротив, поколение Next — это, скорее, «отголосок» беби-бума, желанные, бесценные дети беби-бумеров и поколения X, гордость и отрада родителей. Родительское вмешательство отмечается по всему спектру студенческого контингента — начиная с отстающих детей, которым действительно нужна помощь, и кончая отличниками, для которых родители пытаются выторговать наилучшие условия. И тут возникают два вопроса. Для кого мы, собственно, работаем — для родителей или для студентов? Ведь многие родители не стесняются звонить и жаловаться непосредственно ректору, если не оправдываются их потребительские ожидания. И как быть с нашими обязательствами согласно закону о неразглашении сведений, касающихся учебы студентов?

Этнокультурное разнообразие

Поколение Next более спокойно относится к различиям в культуре, расе и половой ориентации, чем любая другая генерация; да и само оно в этом отношении являет более разношерстную группу. Правда, в то время как расово-этническое обособление снижается, классовое расслоение растет.

Искушенность в технике

Современные молодые люди, с пеленок окруженные электроникой, прекрасно ориентируются в новых технологиях и нетерпимо относятся к технической некомпетентности других. Институты, которые не идут в этом отношении в ногу со временем, вряд ли могут соответствовать требованиям нынешних студентов.

Постмодернистское образование для поколения Next

Для эффективной организации учебного процесса и обслуживания студентов, особенно поколения Next, необходимо учитывать целый ряд факторов и специфических черт, выходящих за рамки профессиональной подготовки и опыта работников высшей школы. Профессорско-преподавательский состав, особенно в общедоступных образовательных учреждениях, порожден культурой модерна и привержен науке, понимаемой как поиск и наглядная демонстрация «истины», как система знаний, накопленных благодаря этой методологии. Постмодернистское отрицание

студентами как самих научных фактов, так и авторитетов в науке вступает в противоречие с этими фундаментальными основами высшего образования, равно как и с исходным принципом, согласно которому образование и хорошие оценки добываются в поте лица.

Назначение педагогики - изучать методы преподавания и по возможности совершенствовать процесс обучения. В аспирантурах, за исключением собственно педагогических кафедр, всерьез не занимаются вопросами педагогики и не учат преподавателей, как им вести себя в студенческой аудитории, как увлечь молодежь и удовлетворить ее запросы [22]. Неуважительное поведение студентов и неспособность многих преподавателей ему противостоять приводят к тому, что занятия становятся беспорядочными, атмосфера в аудитории - малопродуктивной, а иногда и просто угрожающей [23].

Чтобы повысить эффективность обучения, учитывая особые запросы поколения Next и специфические черты эпохи, можно было бы предложить следующие меры.

С самого начала установить ясные требования и постоянно о них напоминать

Современных молодых людей постоянно вынуждали адаптироваться ко всевозможным обстоятельствам и условиям, по большей части ясно не объясняя, каких результатов или какого поведения от них ожидают. Приспособляемость — возможно, одно из главных преимуществ поколения Next. Преподаватели должны этим воспользоваться и выработать четкие общедоступные требования.

Соблюдение единых вузовских правил, привлечение студентов к выработке этих правил и норм поведения — все это поможет повысить эффективность обучения.

Быть последовательными

Идет ли речь о недопустимости прогулов и опозданий или о качестве подаваемых письменных работ, хорошие преподаватели, подобно мудрым родителям, обязательно разъяснят студентам правила желательного поведения и будут добиваться соблюдения этих правил. Действующие в вузе правила должны быть четкими и обязательными для всех. Если закрывать глаза на несоблюдение какой-то части из этих правил, молодые люди сделают вывод о необязательном характере всего свода в целом и сочтут, что можно не исполнять остальные требования или торговаться по этому поводу.

Обозначить все цели обучения

Следует четко указать все желаемые цели обучения помимо собственно получения диплома. Результат должен предусматривать повышение компетентности и личностный рост студента. Если вузы заинтересованы не только в том, чтобы студенты овладели предметными знаниями, но чтобы они приобрели определенные поведенческие, нравственные, общественные и гражданские качества, все это следует четко сформулировать, связав с соблюдением определенных моральных принципов, выполнением

общественно-полезной работы, участием в вузовском самоуправлении и общественной деятельности.

Разработать осмысленные цели и мероприятия по развитию личностных и гражданских качеств студентов

Многие вузы, особенно общедоступные, не ставят перед собой сколько-нибудь четких целей по развитию личности, гражданских и моральных качеств своих студентов, ограничиваясь обтекаемыми формулировками либо краткими правилами поведения, содержащимися в памятке студента. В условиях нашей культуры, которая зачастую поощряет неэтичные поступки, становится все труднее найти универсальную систему морали, безусловно осуждающую, скажем, симуляцию или мошенничество в учебе, поэтому единственной опорой зачастую остаются внутривузовские правила. Однако даже при отделенности церкви от государства все же можно выделить общезначимые нормы поведения, которые бы подкрепляли вузовский устав и тем самым способствовали бы развитию нравственного и гражданского самосознания студентов. Если же найти опору в ценностях эпохи модерна (этичное поведение, уважение к чужому мнению) не удастся, следует прибегнуть к постмодернистской модели и помочь студентам самим найти и принять такие ценности.

Подчеркивать роль научного метода в процессе познания, но при этом признавать возможные ограничения науки

Поскольку наука, рассуждая трезво, представляет собой комплекс инструментов познания, то традиционное преподавание научного метода нужно непременно сопровождать указанием на то, что наука имеет ограничения и что научные данные нуждаются в критическом анализе. В аудитории, настроенной столь субъективистски, следует всячески подчеркивать важность нелинейных методов и подходов.

Переходить к образовательной парадигме, ориентированной на познание

О необходимости активизировать процесс познания и о создании ориентированной на познание среды написано немало [24]. Несмотря на большой объем литературы о преимуществах образовательных моделей, в которых упор делается не на преподавании, а на процессе познания, многие вузы продолжают рассматривать преподавание как постоянную величину, а познание — как переменную, вместо того чтобы за исходную точку взять стоящую перед студентом цель и затем искать наиболее подходящие преподавательские методики для достижения этой цели. Чему бы мы ни учили студентов, не следует рассматривать преподавание как самоцель, главное — это конкретный результат, при этом следует предоставлять студентам несколько вариантов обучения на выбор, выработав количественные критерии оценки полученных знаний и постоянно помогая молодым людям разобраться, в чем состоит смысл усвоения тех или иных знаний («зачем это учить»). Активные методы обучения особенно хорошо подходят для поколения Next, столь ценящего субъективный опыт. Это племя студентов менее склонно принимать на веру или ценить преподнесенные в готовом виде истины, поэтому,

возможно, будет более полезно дать им эти истины открыть самим (условно говоря, самостоятельно пройти путем Галилея).

Использовать активные и творческие методы обучения

Поколение Next не приемлет устаревших, по его мнению, методов обучения, таких как чтение лекций перед молча записывающей аудиторией. Большинство аспирантских программ закладывают прекрасный фундамент теоретических знаний по предмету, однако практически не знакомят аспирантов с эффективными методиками преподавания. Всем вузам следует обратить внимание на обучение преподавательского состава (как штатного, так и временного) активным методам подачи материала [25].

Повышать уровень преподавания [26]

По сравнению с более ранними студенческими поколениями поколение Next еще с меньшим энтузиазмом относится к зубрежке и бездумному воспроизведению по памяти никому не нужных «фактоидов» и вполне может взбунтоваться, особенно в нынешний век электроники, когда практически любую фактическую информацию можно получить из Интернета с обычного сотового телефона. Способность оперировать отвлеченными понятиями и удовольствие от сложной мыслительной деятельности — всему этому можно научить. К сожалению, многие методики преподавания и оценки знаний построены на стандартизованных тестах и лишь укрепляют привычку к нетворческому обучению [27]. Подкреплять теорию фактами, соотносить теорию с реальной жизнью и демонстрировать полезность получаемых знаний — только так можно подняться над простым усвоением информации к пониманию логических связей, побудить студента к критическому, творческому и практическому мышлению [28].

Объяснять необходимость изучения предмета его практической применимостью

От каждого преподавателя нужно требовать, чтобы он мог объяснить студентам, в чем состоит практическая польза его предмета. Если не будет продемонстрирована польза данной области знаний, курса или специализации, студенты потеряют к ним доверие. Утверждения типа «вы должны это знать, потому что это будут спрашивать на экзамене» или «вы обязаны посещать эти занятия, потому что они входят в обязательный курс» способны лишь дискредитировать как предмет, так и самого преподавателя, это лишь наведет на мысль, что данная дисциплина бесполезна, преподается для галочки и не имеет никакого отношения к реальным нуждам студента.

Не ожидать слепого подчинения авторитету преподавателя

Нынешние студенты высоко ценят субъективный опыт и воспринимают профессора не как корифея в своей области, а скорее, как поставщика услуг, поэтому, о чем бы ни шла речь — о сдаче зачета и домашнего задания или о плате за обучение и правилах парковки, — нужно разговаривать с ними в дружелюбном и открытом тоне. Особенное недовольство могут вызывать льготы для преподавательского состава, например преимущества при парковке.

Расширять диапазон внеаудиторных заданий: не ограничиваться традиционными письменными работами и применять другие формы контроля

При столь высокой технологической компетентности современных студентов задания должны отражать текущий уровень их навыков и умений, а не преподавательские пристрастия в отношении формы и стиля. Чем более широкий выбор будет предоставлен студенту при написании работы, тем выше будет его заинтересованность в процессе и результатах обучения.

Предоставлять учащимся более широкие возможности для общения

Следует поощрять взаимное сотрудничество студентов в аудиториях, неформальное общение с преподавателями в их рабочее время, последние должны более активно и заинтересованно консультировать своих подопечных, помогать в создании студенческих клубов и организаций. Участие в жизни вуза укрепляет привязанность студента к учебному заведению и способствует лучшей успеваемости и развитию личности.

Уважать чужую точку зрения

Полезно было бы выносить на открытое и беспристрастное обсуждение различные взгляды, отражающие весь спектр существующих мировоззрений — инокультурных, мистических, религиозных, традиционалистских и т. д., — вплоть до неполиткорректных и расистских. Обличительная риторика в отношении скомпрометировавших себя типов поведения лишь уводит в сторону от объективного анализа, без которого студент не научится делать самостоятельных оценок в будущем. Запреты на использование политически некорректных слов и выражений иногда вызывают недовольство даже у тех, кого призваны защищать, так как создают впечатление излишней опеки.

Придать гибкость расписанию, продолжительности семестров, срокам приема и выпуска

Старая модель деления курса на семестры освящена многолетней традицией и удобна с административной точки зрения, однако она подходит далеко не всем, поскольку студенты нередко связаны множеством других обязательств и учатся неодинаково интенсивно. Если мы действительно хотим добиться поставленных целей, то неправильно было бы выпускать студента раньше, чем он достигнет известного уровня, равно как удерживать его в институте, если он уже продемонстрировал необходимые знания досрочно.

Не доводить до абсурда клиентскую модель обучения

Ряд успешных экспериментов по улучшению качества обслуживания помогли сместить акцент с максимального удобства преподавателей на заботу об интересах студентов [29]. Если выбрана такая модель, то следует всячески подчеркивать, что ни один разумный клиент не может рассчитывать на «халяву» и что клиент отнюдь не всегда прав.

Разрабатывать программы с учетом профиля вуза и студенческих запросов

Частные религиозные колледжи имеют специфические цели, и потому их программы должны быть иными, нежели в субсидируемых государством вузах или в учебных заведениях, куда принимают без экзаменов. В эпоху

постмодерна все виды учебных заведений сталкиваются с проблемой потребительского отношения к образованию: в элитарных вузах студенты требуют, чтобы уровень обслуживания соответствовал уровню их знаний и плате за обучение, а в недорогих муниципальных колледжах образование нередко воспринимается студентами как нечто причитающееся им по праву проживания в данной местности. Учебным заведениям следует признать необходимость введения целевых программ для контингента учащихся с особыми потребностями. Учет пожеланий студентов позволит повысить привлекательность программ и услуг.

Проявлять доброжелательность

Жизнь у большинства нынешних студентов трудна, полна забот и стрессов — особенно у тех, кто вынужден жить на пособие, работать, содержать семью или обременен иными обязательствами. Согласно статистике, в большинстве вузов и без того не все гладко с успеваемостью, и если преподаватель не будет с пониманием относиться к тому, что помимо образования существуют другие приоритеты, это может только ухудшить состояние студентов. Живая обстановка ободряет аудиторию, а замшелая, основанная на страхе модель типа «если не сделаете, то пеняйте на себя» редко приносит плоды.

Верить в своих студентов

Молодежь поколения Next, с одной стороны, умеет хорошо адаптироваться в окружающей обстановке, с другой — испытывает существенный недостаток в образовании и социальной ориентации. На нас, работников высшей школы, лежит большая ответственность: необходимо найти к ним подход и содействовать росту их образования и развития. Быть может, вуз сейчас дает этому поколению последнюю надежду на серьезное внутреннее развитие, на приобщение к радости познания и в конечном счете — на содержательную, общественно полезную жизнь.

Вместо заключения

Поколение Next, выросшее в специфических условиях постмодернистской эпохи, приходит в высшее учебное заведение со своими особенностями и запросами. Для того чтобы эта молодежь смогла овладеть интеллектуальными и социальными навыками, востребованными на рынке труда и в современном все более усложняющемся обществе, мы, представители более старших поколений, должны осознать эти их характерные особенности и пересмотреть методы и содержание высшего образования, изменить саму атмосферу учебы, с тем чтобы как можно больше содействовать успеху наших воспитанников.

Ризома в рекламном дискурсе¹

Бесспорно, чтобы быть понятной и доступной потребителю, реклама должна говорить на языке своего времени, в настоящее время – на языке постмодернизма. Постмодернизм как образ мыслей и как культурную форму можно назвать определяющим для конца XX – начала XXI столетия. Данное философское течение вторгается в литературу, меняет живопись, перестраивает архитектуру, обновляет музыку, воздействует на масс-медиа. Средства массовой коммуникации становятся своеобразным посредником передачи постмодернистских идей в общество. Один из теоретиков постмодернизма Ж.Бодрийяр, учитывая всепроникаемость СМИ, наделяет их вирусной силой и вирулентной заразительностью; они испускают излучение, сравнимое с облучением тел в Хиросиме, но это излучение знаками, образами, программами, сетями, информация теперь – не знание, а то, что заставляет знать [1, с. 152].

Большую роль в установлении ценностей и принципов нового типа мышления играет современная реклама. По мысли М.К. Ковриженко, реклама «без преувеличения является мировой глобальной коммуникацией, создаваемой с помощью новейших технических средств и эффективных креативных технологий» [4, с. 37].

Ризома как одна из основ постмодернистского мировоззрения, по мысли исследователя И.П. Ильина, вторгается в чужие эволюционные цепочки и образует «поперечные связи» между «дивергентными» линиями развития. Она порождает несистемные и неожиданные различия, не способные четко противопоставляться друг другу по наличию или отсутствию какого-либо признака. Тем самым, концепция «различия» теряет свое онтологическое значение, которое оно имело в доктрине структурализма, символизируя собой принцип бинаризма, «инаковость» оказывается «одинаковостью». На этом основании Делез и Гваттари постулируют тождество «плюрализм-монизм», объявляя его «магической формулой», где различие поглощается недифференцированной целостностью и утрачивает свой маркированный характер [3, с. 180].

Итальянский теоретик постмодернизма У.Эко охарактеризовал ризому как прообраз символического лабиринта, свойственный лишь менталитету постмодернизма. Похожие лабиринты сегодня можно встретить и в рекламе: множество выходов, несколько вариантов развития сюжета, смешение стилей, линий, цветов, фигур, слов, букв, звуков. Ризома хаотично вторгается в нашу жизнь, руководит ею, побуждает людей к совершению разных поступков, формирует новые идеалы и правила. На наш взгляд, в настоящее время ризомной становятся как вербальная, так и визуальная стороны рекламы. Объясним проникновение ризомных начал в рекламное пространство в процессе анализа главных свойств ризомы, выделенных и описанных Ж.Делезом и Ф.Гваттари.

1. Принцип связи и гетерогенности, согласно которому ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по сво-

¹ Источник: http://conf.stavsu.ru/_WordDocs/1487.doc.

ей природе. В ней спрессованы самые разнообразные виды деятельности – лингвистическая, перцептивная, миметическая, жестикуляционная, познавательная; даже «языка, его универсальности не существует, мы видим лишь состязание диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков» [5, с. 762].

В рекламном пространстве посредством размывания границ между реальностью и ирреальностью, изменением хода времени возникает децентрализованный ризомный мир со своей географией, логикой, путями совершенствования. Стержня, руководящего процессом развития, нет. Рекламные герои движимы лишь одним – доказать преимущество рекламируемого продукта, убедить потребителя в его приобретении. Создание искусственного мира, в котором нет никаких иерархий, отсутствует всякое подчинение, представлено в рекламе виски «Johnnie Walker Whisky», разработанной тайваньским агентством «Leo Burnett» в январе 2011 года (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Принцип связи и гетерогенности ризомы в рекламе алкогольного напитка «Johnnie Walker Whisky», Тайвань.



На первом постере на обертке от виски поместились Эйфелева башня из Парижа, статуя Свободы из Нью-Йорка, вулкан Килиманджаро из Центральной Африки, трагично известный на весь мир «Титаник», бороздящий воды Атлантики; на втором – рядом расположены высочайшие водопады, непроходимые леса, живописные горы, безлюдная пустыня, густонаселенный город, на третьем – друг с другом соседствуют величественные морские волны, желтеющие поля и леса. Такое смешение внутри одной рекламы разных природных зон, достопримечательностей, географических объектов из самых отдаленных уголков планеты возможно лишь благодаря ризомной децентрализации, едва уловимой связи, основанной на других принципах и существующей в иных временных измерениях.

2. Принцип множественности – в ризоме «нет точек или позиций подобно тем, которые имеются в структуре, в дереве, в корне; только абстрактные линии, линии ускользания» (детерриториализации) – по ним ризомы существенно изменяются, вступая в отношения с другими [5, с. 763].

Данное свойство ризомы лучше всего рассматривать не в отдельном плакате, ролике или споте, а в рекламном пространстве в целом. Между потребителем рекламы и ее производителями имеется абстрактная связь, посредством которой достигается главная цель рекламы – побуждение к покупке определенного товара или услуги. Аудитория лишь опосредованно видит рекламируемый объект, изучает его свойства, выделяет преимущества, отмечает недостатки. Множество ассоциативных линий, соединяющих нас с рекламой, делают ее эффективным «двигателем торговли». Чем больше

связующих линий находят разработчики рекламы с ее потребителями, тем успешней она и будет.

С другой стороны, множественность ризомы в рекламе проявляется и в ассортименте предлагаемых товаров и услуг. В каждой нише рекламных продуктов сегодня десятки или даже сотни наименований (например, активно рекламируются несколько видов шоколадных батончиков – «Bounty», «Mars», «Snickers», «Twix», «Picnic», «Nuts», «Milky Way», «Шок»; стиральных порошков – «Ariel», «Tide», «Dosya», «Persil», «Е», «Mif», «Bimax»), позволяющих потребителю выбрать ту вещь, которая действительно подходит лишь ему.

3. Принцип незначашего разрыва – согласно ему «корневище может быть разорвано в любом месте, но несмотря на это, оно возобновит свой рост либо в старом направлении, либо выберет новое» [5, с. 764].

Постмодернистская реклама разрушает миф о том, что вещь может быть использована только по назначению. В созданном рекламном пространстве нет строгой границы реальности и ирреальности, отсутствует логика, характерная для окружающего мира. Ризома дает возможность многообразию мыслей, способов для применения привычных материальных предметов, душевных качеств. Разрыв, возникающий в реальном мире, продолжает свое развитие в мире ризомном. Проявление данного свойства ризомы мы наблюдаем в печатной рекламе, разработанной американским агентством «Rlr Advertising & Marketing» для зоопарка Лос-Анджелеса (см. рисунок 4).

Рисунок 4. Принцип незначашего разрыва в рекламе зоопарка Лос-Анджелеса.



На плакатах изображены животные – обитатели городского зоопарка, но они – не абсолютная копия своих представителей животного мира. Сова, олицетворяющая мудрость, выполнена из страниц известных американских журналов и газет, горилла, в реальности имеющая яркую окраску, на постере сделана из цветных карандашей, а слон, символизирующий память, вообще собран из ненужных картонных коробок. Слоган компании – «Здесь все происходит по-настоящему!» – актуализирует главную цель рекламы – заботу о редких представителях фауны. Таким образом, на первый взгляд, обычные материальные предметы (карандаши, использованные газеты, журналы и коробки), служащие в реальности лишь для чтения, рисования и упаковывания, в ризомной постмодернистской рекламе приобретают другое назначение, одушевляются и наделяются глубоким смыслом, заставляя целевую аудиторию обращать внимание на разнообразность жизни, ее многоплановость, вариативность, т.е. отсутствие конца в развитии идей, мыслей, чувств – незначашего разрыва.

4. **Принципы картографии и декалькомани** – ризома не подчиняется никакой структурной или порождающей модели. В отличие от рисунка, чертежа, фотографии или кальки, ризома связана с картой, которая должна быть разъемна, подсоединяема, переворачиваема, модифицируема на множественных входах и выходах, с линиями ускользания. Именно кальки нужно перенести на карты, а не наоборот. Карта открыта, она объединяет все свои измерения, она подвижна, переворачиваема, восприимчива к изменениям. Любой индивид, группа, социальная формация может разорвать ее, перевернуть, собрать любым образом, подготовить к работе. Можно нарисовать ее на стене, отнестись к ней как к произведению искусства, сделать из нее политическую акцию или материал для размышления. Это, вероятно, одно из наиболее отличительных свойств ризомы – иметь всегда множество выходов [5, с. 765; 3, с. 287].

Использование принципов картографии и декалькомани ризомы в современной рекламе – это возможности потребителю найти свой путь для достижения жизненных целей. Выходов из рекламной ситуации может быть несколько, человек сам выбирает тот, который подходит именно для него. В этом состоит главная сущность ризомы – многовариативность развития, хаотичность выбора нужного решения в потоке бессознательных идей и смыслов. В российской рекламе зачастую креативщики используют образ карты Российской Федерации. Как правило, в такой рекламе карта играет объединяющую роль; она символизирует единство территории, общность интересов граждан одной страны (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Образ карты России в печатной рекламе.



Другое предназначение карты в постмодернистской рекламе – демонстрация открытого плюрального мира, в котором, по мысли Е.Н. Ежовой, «потенциально присутствует гибкий выбор равнозначных вариативных возможностей» [2, с. 121]. И рекламируемый товар становится именно тем средством, которое позволяет реализовать этот потенциал. Наглядное представление данного свойства ризомы мы наблюдаем в печатной рекламе индийского оператора сотовой связи «Onida Mobiles», выпущенной в феврале 2011 года креативной группой рекламного агентства «McCann Worldgroup» (см. рисунок 6). У героя рекламы – водителя автомобиля, мотоцикла или скутера – сложный выбор: отказаться от телефонного разговора с родными или друзьями, потому что это мешает безопасному движению на дороге, или продолжать общение, подвергая себя серьезной опасности попадания в аварию. На помощь горе-водителю приходят самые близкие и надежные люди – мама, любимая девушка, начальник, которые настоятельно рекомендуют воспользоваться

беспроводной гарнитурой «Onida» для своего мобильного телефона, т.к. уже тысячи людей почувствовали преимущества данного бренда. Слоган лишь подчеркивает правильность мнения авторитетных людей, готовых помочь своему другу, партнеру: *«Если ты говоришь по телефону, ты не видишь дороги. Выход есть – мобильный телефон от компании «Onida».* Равнозначный выбор (одновременная быстрая езда и удовольствие от телефонных разговоров) дает возможность разнообразию жизни рекламного героя, вариативности его существования. Все это достигается благодаря одному из самых важных принципов ризомного мира – его картографии и декалькированию.

Рисунок 6. Принцип картографии ризомы в рекламе бренда «Onida», Индия.



Таким образом, ризома являясь фундаментальной установкой постмодернизма, активно внедряется и реализуется в рекламном медиaprостранстве. Принципы ризомы (связь и гетерогенность, множественность, незначащий разрыв, картография и декалькомания) находят свое отражение в рекламных постерах, плакатах, роликах, а главное – они способствуют открытости и незамкнутости рекламного мира, увеличению доли креатива в рекламе, плюральной интерпретации всего рекламного пространства.

Литература

1. Бодрийар, Ж. Прозрачность зла. / Пер. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. Ежова, Е.Н. Пространство и время в медиа-рекламной картине мира: монография / Елена Николаевна Ежова. – М.: Илекса; Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2009. – 176 с.
3. Ильин, И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН-INTRADA, 2001. – 344 с.
4. Ковриженко, М.К. Постмодернизм и реклама // Доклад выступления. II Всероссийский социологический конгресс. – М., 2003.
5. Постмодернизм: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов¹, М.А. Можейко. – М.: Интерпресс-сервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. (Мир энциклопедий).
6. Сайт о рекламном креативе и пиаре // www.adme.ru.

¹ Грицанов Александр Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, один из крупных специалистов в сфере теории постмодернизма, научный руководитель международного проекта «Гуманитарная энциклопедия» (Республика Беларусь, Минск).

Постмодернистский космос Жана Бодрийера

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	М.Ваннах
Название	Постмодернистский космос Жана Бодрийера
Источник	Ваннах, М. Постмодернистский космос Жана Бодрийера // Режим доступа: http://www.computerra.ru/think/313095/ .
<i>Inf</i>	Статья была опубликована в 2007 г. в журнале «Компьютерра»

И литераторы, и художники, придерживающиеся постмодернистского стиля, склонны к многоуровневому творческому цитированию при переоценке ценностей цивилизации; они наполняют свои произведения иронией.

В 50-е гг. уже проявляются проблемы с пролетариатом, классом, который, преодолев самого себя, должен был проложить дорогу в светлое будущее. Класс этот размывался. Отчасти - заинтересованностью рыночной экономики в платежеспособном потребителе, исключавшей марксово обнищание масс. Но еще сильнее - технологией. Массовые производственные процессы - точное литье, штамповка, производство синтетических материалов, сегодня - производство интегральных схем, - резко уменьшили долю «синих воротничков» в экономике. В США с середины 1950-х годов «белых воротничков» оказывается больше, чем рабочих. Аналогичные процессы идут и в Европе. И осмысляются неомарксистами, прежде всего Гербертом Маркузе.

Согласно работам Маркузе («Эрос и цивилизация», «Советский марксизм», «Одномерный человек»), социальный прогресс связан теперь не с рабочими, подкупленными буржуазией (необходимость платежеспособного спроса!), а с интеллектуалами и особенно со студенчеством, еще не интегрированным в истеблишмент. Лето 1968 года, казалось бы, подтверждает это.

Ж.Бодрийер был свидетелем Берлинского и Карибского кризисов, когда мир застыл над пропастью ядерной войны. И Герберт Кан сформулировал концепцию «Машины Страшного Суда», ядерного устройства, способного уничтожить разумную жизнь на планете и делающего бессмысленным ведение сколько-нибудь масштабных войн. Художественное воплощение этого дано в фильме С.Кубрика «Доктор Стрейнджлав». И мессидж был распознан и понят наиболее проницательными интеллектуалами. Война стала невозможной. Слишком мала голубая планета для ядерных бомб. И бессмысленны флоты ядерных подводных ракетноносцев, тысячи наземных баллистических ракет с разделяющимися боеголовками, противоракеты неудачной системы «Safeguard» и их вставшие на боевое дежурство советские аналоги, бомбардировщики В-1 и Ту-160, все эти невероятно дорогие плоды классической гонки вооружений 1960–80-х годов. Деятельность военных министерств, военно-промышленных комплексов, разведок - это всего лишь имитация. Симулякр.

Одно из основных понятий философии Ж.Бодрийера – симулякр. Это понятие очень близко понятия «симуляция» и «технологии». Еще строители соборов средневековья использовали модели своих сооружений. А моделирование

динамических объектов вошло в практику, начиная с кораблестроения века позапрошлого. С опытовых бассейнов, с критериев подобия Фруда. Затем – модели математические: описание реальных процессов той или иной системой уравнений, с дальнейшим анализом поведения, как правило, с использованием вычислительной техники.

Но модель обычно соответствовала реальному объекту. Даже если она, как модель собора, предъявлявшаяся князю, как модель корпуса броненосца, протягиваемая динамометрами по бассейну для определения наивыгоднейших обводов корабля, предшествовала полномасштабному отделу. Но она все равно отображала реальность. Симулякр же не отображает ее.

Язык, которым пользовался Бодрийяр, очень похож на язык естественных наук. Вот его рассуждения о сексуальности в книге «Забыть Фуко». Полемика с другим постмодернистом, Мишелем Фуко. И если тот, говоря о сексуальности, пользуется скорее терминами медицины, то Бодрийяр излагает ее состояние в современном обществе скорее в понятиях теории катастроф Тома. И в «Америке» при описании богатого и здорового общества образы и термины теории катастроф появляются вновь. Слишком уж хрупким видел Бодрийяр существование постиндустриального общества.

Говоря о массах в книге «В тени молчаливого большинства, или Конец социального», Бодрийяр пользуется образами астрофизики. Здесь и имплозия - взрыв «внутри», падение в самих себя, которыми обычно описываются черные дыры. И колебания потенциальной и кинетической энергии. И даже бесследное исчезновение информации в сингулярностях. И - фракталы. И - термины теории информации...

Многое Бодрийяр заимствовал из структуралистской антропологии. Из работ Клода Леви-Стросса, трудов авторов, открывших, что культура заполняет зазор между необходимым и доступным, структурирует излишние ресурсы, находящиеся в распоряжении общества. И направляет их то на строительство пирамид и сфинксов, то на возведение городов в джунглях Юкатана, то на космическую гонку. Но перестает работать тогда, когда осознается, что та или иная культура лишь одна из возможных.

Впрочем, тут Бодрийяр предпочитал, скорее, образы Виктора Сегалена, французского этнографа начала XX века, говорившего, что с того момента, когда узнали, что Земля - сфера, путешествие перестало существовать, поскольку удалаться от какой-либо точки сферы означает к этой же точке приближаться.

Этим языком Бодрийяр описывал отнюдь не каноны художественного стиля, за который обычно принимают постмодернизм, но свое видение современной ситуации. Излагал порой шокирующие, но всегда оригинальные мысли. По Бодрийяру, развитие технологий освободило массы от повседневной погони за куском хлеба. Но превращение в потребителей (а только в этом качестве они, массы, и интересны глобальной экономике) лишает их бытие всякого рационального смысла.

По мнению Бодрийяра, мировая экономика состоит из экономики реальной и гигантского пузыря экономики виртуальной. Бодрийяр считал, что объем

капитала в 45 раз уступал объему перелива капитала («Прозрачность зла», 1990). Гигантский пузырь финансового капитала, из которого рождаются многомиллиардные состояния. Нажать же их продажей действительно нужных вещей, вроде лепешек или сапог, невозможно. А в виртуальности финансовых операций - пожалуйста.

Проблема изучения постмодерна

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	Ю.И. Осик, Е.Б. Аймагамбетов
Название	О методологии постмодерна и выборе социально-экономических критериев периодизации в теории модернити
Источник	Осик, Ю.И. О методологии постмодерна и выборе социально-экономических критериев периодизации в теории модернити / Ю.И. Осик, Е.Б. Аймагамбетов // Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/pdf/2006/3/6.pdf .
<i>Inf</i>	Статья была опубликована в журнале «Фундаментальные исследования»

Проблема «постмодерна» в целом является актуальной прежде всего в мировоззренческом, общечеловеческом измерении, поскольку ориентирует нас в координатах цивилизационного бытия, в поисках ответа на вопрос: «Камо грядеши?». Сами понятия (модерн, премодерн, постмодерн) пришли из сферы искусства и в широком смысле являются достаточно расплывчатыми. Противопоставление нового стиля старому – вот критерий разграничения модерна и премодерна.

В последние годы проблема постмодерна в науке и практике социально-экономической деятельности, инициированная профессором МГУ Ю.Осиповым¹, находит развитие и в казахстанской научной школе. Возглавляет

¹ Осипов Юрий Михайлович, известный российский философ и экономист, вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Философия хозяйства», Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор. Родился в 1941 г. в Ростове-на-Дону. В 1965 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, затем аспирантуру того же факультета (1971 г.). В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Государственное планирование капиталистической экономики», а в 1987 г. – докторскую на тему «Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма». С 1971 по 2000 г. – преподаватель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, с 1984 по 1992 г. – заместитель декана того же факультета. Является автором ряда широко известных монографий («Опыт философии хозяйства», «Философия хозяйства», «Время философии хозяйства»), оказавших огромное влияние на развитие российской философии и экономики. Философско-экономические воззрения Ю.М. Осипова восходят к философии русского мыслителя и богослова С.Н. Булгакова (1871-1944). Одно из важнейших достижений Ю.М. Осипова состоит в глубоком и обстоятельном описании хозяйственных эпох премодерна, модерна и постмодерна.

обсуждение этой проблемы в Казахстане главный редактор журнала «Вестник Университета «Туран» проф. У.Ж. Алиев, посвятив ей отдельную рубрику. Программные статьи У.Алиева, а также российских авторов Ю.Осипова, Н.Шапиро и др. содержат не только систематический анализ подходов к проблеме различия модерна и постмодерна в целом, но и конструктивный переход от кризиса современной теоретической экономики к практическим вопросам модернизации постсоветского и, в частности, казахстанского общества.

В качестве основы для определения критерия периодизации всемирной истории, в рамках которой рассматривается проблема экономического постмодерна, можно рассматривать ренту. Рента – не обычный, получаемый любыми агентами рынка доход в виде прибыли, зарплаты, процента, а сверхприбыль, добавочный доход особого рода, связанный с использованием исключительного, ограниченного или временно редкого блага, будь то земельный участок, месторождение полезных ископаемых, приносящие сверхприбыль изобретение или инновация. Однако эта категория не является чем-то постоянным, неизменным. Ее содержание, сфера действия, формы меняются от эпохи к эпохе вместе с укладом хозяйственной жизни. *Хотя, подобный подход при всей его смелости все-таки достаточно своеобразен. И дело даже не в его экономоцентричности, чем-то напоминающей марксизм (в самом этом напоминании ничего предосудительного нет), а в том, возможно ли три этапа развития культуры (премодерн – модерн – постмодерн) считать вторичными по отношению к ренте. Скорее все-таки наоборот. Хотя по поводу такой возможности единого мнения нет.*

К общей теории модернизации

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	У.Ж. Алиев ¹
Название	К общей теории типологии, истории модернизации
Источник	Алиев, У.Ж. К общей теории типологии, истории модернизации // Теоретическая экономика. – 2011. – №2.
<i>Inf</i>	Статья опубликована в журнале «Теоретическая экономика»

Премодерн – вся предшествующая Возрождению человеческая история, во всяком случае, писаная история; модерн – эпоха, начатая Возрождением; постмодерн² – эпоха, наступающая непосредственно после «модерна». В данном контексте эти термины, акцентируя внимание главным образом на «временной» характеристике человеческой истории, характеризуют последовательно аграрный, индустриальный и т.н. постиндустриальный типы хозяйств.

Кроме перечисленных, теория модернити оперирует такими понятиями, как «культура», «цивилизация», «Центр», «Периферии», «Север», «Юг», «эшелоны модернизации», «глобальная асимметрия», «тьермондизация» и т.д. Из этого ряда наиболее употребительным является, безусловно, термин «модерн». «Модернизм» (фр. *modernisme*) – новое направление в чем-либо, отрицающее традиционные нормы, формы, представления прошлого. «Модернизация» (фр. *moderniser*) – осовременивание, изменение соответственно требованиям современности. «Модернизация» означает противопоставление современного традиционному, настоящего прошлому. Это, если можно так выразиться, модернизация как таковая, модернизация в широком смысле слова.

В науке сложилось довольно прочное (классическое) представление о «модернизации» как о процессе изменения и преобразования основных структур общественной системы по западному образцу. Иначе говоря, понятия «модернизация» и «вестернизация» (от англ. *West* – запад) по смыслу в общем и целом аутентичны. Это, если так можно выразиться, модернизация в узком смысле слова. *Справедливости ради отметим, что есть и иная точка зрения, представляющаяся нам более глубокой. Она принадлежит С.Е. Кургияну. Согласно этой точке зрения, вестернизация предполагает копирование западных форм развития, в то время как модернизация не предполагает прямого и жесткого копирования, а требует учета местных традиций.*

Чтобы преодолеть классическое понимание модернизации как процесса, идущего по западному образцу, и показать неоднозначность ее восприятия, А.Туреном были введены понятия «контрмодернизация», которая означает «мо-

¹ Урак Жолмурзаевич Алиев, доктор экономических наук, профессор, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, вице-президент образовательной корпорации «Туран», главный редактор журнала «Вестник Университета «Туран» (г. Астана, Республика Казахстан).

² Вообще термин «постмодерн», по общему признанию, был введен в 1939 г. А.Тойнби, который датировал этот исторический рубеж сначала временем после окончания первой мировой войны, а позднее, в 40-е годы – даже 70-ми годами XIX столетия.

дернизацию по западному образцу», и «антимодернизация», означающая открытое противодействие модернизации. *В данном случае контрмодернизация по А.Турену есть ни что иное как модернизация по С.Кургиняну при условии ее несводимости к вестернизации. Антимодернизация по А.Турену близка по смыслу контрмодернизму по С.Кургиняну.*

Основные теории модернизации:

1. **Классическая**, или т.н. «универсалистская теория модернизации», – модернизация по единому общеобязательному рецепту западного образца. *Она же – вестернизация по С.Кургиняну.*

2. **Теория «модернизации отсталости»** – критика классической, «западной» теории модернизации с позиции развивающихся стран. Это, так сказать, «модернизация с опорой на собственные силы».

3. **Неоконсервативная теория модернизации**, или «модернизация без модернизации», т.е. модернизация без жестко навязанных западных форм.

При этом примечательно то, что все эти теории модерни складывались в общем и целом в русле теории индустриального общества, в одном случае в контексте «доиндустриальное (отсталое) – индустриальное (развитое)», а в другом – «индустриальное – постиндустриальное». К тому же в последнем случае на авансцену выходит проблема постмодерна, его содержание и соотношение с модерном, премодерном в самых развитых в рыночном отношении странах, которые прошли этап модерна и премодерна.

Модернизация казахстанского общества не только в практическом, но прежде всего в теоретико-гносеологическом плане затруднена неразработанностью ряда фундаментальных проблем. Это, во-первых, отсутствие научных традиций по исследованию теории, типологии, истории и технологии модернизации, не говоря уже о постмодерне. Во-вторых, это, как ни странно звучит, слабое знание или искаженное знание современным поколением подлинного состояния его прошлой и особенно современной истории, философии, экономики, культуры, этнологии, психологии и т.д. в силу отсутствия подлинного самоосмысления всего этого. Здесь возникают проблемы адекватных методов философизации, методов теоретизации и методов праксиологизации феномена модернизации казахстанского общества из одного системного качества в др.

Возникает масса важных вопросов. В чем конкретно выражается «неповторимое лицо» Казахстана (России) в современном мире? На какой ступени исторического развития, взятой по различным критериям, и, прежде всего, по критерию типов обществ, он (она) находится? На каких **собственных основах** осуществляют модернизацию Казахстан (и Россия)? Ответы на эти вопросы очень важны и необходимы, чтобы как-то подступиться к самоосмыслению и существенной корректировке и разработке общей концепции, на ее основе – и частных моделей и программ модернизации Казахстана (России) в дальнейшем. *Но прежде хорошо б понять, а они (Казахстан и РФ) модернизацию осуществляют? Или делают что-то другое. Тем более:*

Представляется, что современный Казахстан, несмотря на многие чисто внешние атрибуты, по своим основным параметрам относится преимущественно к традиционному обществу с харизматическим типом властных структур и,

как ни парадоксально на первый взгляд, с элементами гуманистических корней; ему присущи черты, в сущности, «ост-азиатских» стран. Элементы же гражданского общества только и только формируются. Необходимость формирования последнего – гражданского общества в классическом виде – вопрос спорный и задача ближайшей и далекой перспективы, если, конечно, она как таковая будет ставиться нашим обществом. *Вопрос для Казахстана серьезный, но серьезный и для России. Скажем по Казахстану: есть точка зрения, согласно которой под покрывалом внешней модернизации в Казахстане, как и в других постсоветских республиках Средней Азии происходит ни что иное как вторичная архаизация. Пытающиеся противостоять у себя в республиках этому процессу Н.Назарбаев, Э.Рахмонов и И.Каримов в какой-то мере вынуждены ему потворствовать. Столь силен этот процесс, противостоящий модернизации.*

Постиндустриальное общество и культура постмодерна

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	В.Емелин
Название	Постиндустриальное общество и культура постмодерна
Источник	Емелин, В. Постиндустриальное общество и культура постмодерна // Режим доступа: http://www.geocities.com/emelin_vadim/postindustrial.htm .
<i>Inf</i>	Статья 1998 г.

Становление постмодерна, как правило, связывается с событиями, происходящими исключительно в области философии, науки, искусства, политики, т.е., если воспользоваться терминологией Маркса, в сфере надстроечных явлений. Складывается такая ситуация, что за рамками остается такой существенный фактор становления и развития постмодернистских тенденций, как преобразования в производственной сфере. Эти изменения наиболее адекватно описываются теорией постиндустриального общества, основу которой положили Д.Белл, Д.Рисман, А.Тоффлер, З.Бжезинский, Дж.Гэлбрейт, А.Турен и др. Сам термин «постиндустриальное общество» родился в США: на рубеже 50-60-х гг. американский социолог Даниел Белл широко его использовал в своих лекциях для характеристики нового этапа развития экономики и общества. Отличительными чертами нового социума называют массовое распространение творческого, интеллектуального труда, качественно возросший объем и значение научного знания и информации, развитие средств коммуникации, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством. Следует отметить, что у теоретиков постиндустриального общества не наблюдается единого мнения по поводу названия новой стадии социального развития – так для ее характеристики наряду с понятием «информационное общество» используются довольно широкий спектр

обозначений: «сверхиндустриальная цивилизация» (Тоффлер), «научное общество» (М.Понятовский), «телематическое общество» (Д.Мартин), «технотронное общество» (З.Бжезинский). Но чаще всего для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие приставку «пост». Так, У.Дайзард отмечает, что стремление выразить сущность нового информационного века вылилось в целый калейдоскоп определений. Дж.Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р.Дарендорф – посткапиталистическом, А.Этциони – постмодернистском, К.Боулдинг – постцивилизационном, Г.Кан – постэкономическом, С.Алстром – постпротестантском, Р.Сейденберг – постисторическом, Р.Барнет вносит в этот калейдоскоп прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество». Общая приставка этих терминов, по мнению Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца.

Характеристика общества в качестве «информационного» или «постиндустриального», указывает на довольно ограниченный срез социальной действительности, главным образом, связанный с развитием информационных технологий, что уместно на социологическом уровне рассмотрения, но недостаточно для философского обобщения всей совокупности перемен, происходящих в обществе конца второго тысячелетия.

С философской точки зрения более удачным для обозначения формирующейся с конца 60-х гг. культурной реальности будет понятие «постмодерн», т.к., по сравнению с «информационным обществом», оно является более общим по своему объему, и с его помощью можно охватить практически все сферы общества. Собственно говоря, теорию постиндустриализма правильней считать одной из социологических доктрин, выражающих постмодернистское мировоззрение.

Обозначим специфику происходящих изменений в экономике развитых стран Запада в последние десятилетия. В производственной сфере главные перемены в основном связаны с переходом от массового характера производства к мелкосерийному – принцип стандартизации постепенно сменяется принципом разнообразия. С технической точки зрения, это стало возможным благодаря внедрению новейших компьютерных технологий. В свою очередь, успех технологий, разрушающих унифицированный подход в производственно-экономической сфере, во многом обусловлен стремлением человека вырваться из оков единообразия, которые породила механизация докомпьютерного периода. С философской точки зрения, массовое производство и потребление, массовое тиражирование культурных стандартов и норм восприятия действительности, является выражением примата целого над частным, общего над отдельным, единого над множественным. Подобные установки свойственны индустриальной стадии капитализма, которая наиболее полно выражает идеологию модерна как «великого проекта» европейской культуры. При этом трудно вести речь об индивидуальности в индустриальном модернистском обществе. У человека не только не остается времени побыть наедине с собой, о чем в свое время говорил Герберт Маркузе, но и вообще

возможности быть собой. Таков итог подмены индивидуальных ценностей общими идеями, которые при использовании индустриальных технологий превращают общество в тотальность, подавляющую конкретную личность.

Возможность преодоления подобной ситуации теоретики постиндустриального общества видят в развитии технологий, главным образом электронных, т.е. резервы гуманизации техники, по их мнению, следует искать в развертывании самого технического прогресса, а не отказа от него. Как уже отмечалось выше, только с развитием компьютерной технологии, стал возможным отход от массификации производства – производство стало более гибким и нацеленным на удовлетворение самых разнообразных потребностей. Но, вместе с тем, связывать переход к новому историческому периоду только лишь с научно-техническими достижениями, было бы не слишком корректно: в этом случае имел бы место отход на позиции технократизма, что идет в разрез с постмодернистским мировоззрением, т.к. утверждает приоритет одной сферы над остальными.

Принципы плюрализма, децентрации, фрагментарности, являющиеся определяющими для постмодернизма, выражаются прежде всего в утверждении разнообразия как основного лейтмотива постиндустриального общества. Если говорить об экономике, то разнообразие обнаруживается не только в типах техники, товарном ассортименте и видах услуг, но и в потребности в широком спектре различных профессий. Разнообразие как характеристика постиндустриального общества воплощается не только в области экономики – оно пронизывает все сферы и подсистемы общества, изменения в которых могут быть описаны при помощи категорий постмодернистского мировоззрения. Утверждение разнообразия как некой фундаментальной основы гарантирует плюрализм, т.е. равноправное существование самых разных позиций, и постиндустриальное общество создает определенные условия для реализации этого постмодернистского принципа.

С принципом плюрализма неразрывно связан принцип децентрации, воплощение явственно прослеживается в постиндустриальном обществе, ведь последнее фактически лишено того единого и основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Это в полном смысле «мозаичное общество», которое то и дело меняет центры притяжения и отличается предельной подвижностью своих связей и зависимостей. Как отмечает социолог-постмодернист Зигмунд Бауман, время начальственных кабинетов, в которых рождались всеобъемлющие планы, во имя которых от каждого можно требовать послушания и согласованности действий, уходит в прошлое вместе с эпохой модерна. Мир больше нельзя моделировать как объект администрирования, обозреваемый с высоты стола генерального директора. Принцип единоначалия, который символизировал индустриальную эпоху, становится неуместным в постиндустриальную эру.

Как отмечает тот же Бауман, «для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа... Сегодня мы живем проектами, а не Проектом». В новом мире уже нет места суперпроектам, вовлекающим людей в единое поле с целью их осуществления.

Постиндустриальному обществу чужды глобальные, «титанические» начинания, будь то «великие стройки коммунизма», «поворот рек» или отправка человека на луну, и не в силу того, что они не нужны, а из-за того, что им не передается значения. «Великие» проекты, интегрирующие огромные массы людей, а также связанный с ними пафос, неотвратимо уходят в прошлое.

Фрагментируется также и социальная структура общества. Некогда монолитные классы распадаются на подвижные социальные группы, с которыми индивид себя уже не идентифицирует. Как метко заметил Мишель Турнье, «униформа выходит из моды».

Социальное дробление неразрывно связано с утверждением фрагментарного, децентрированного образа мышления людей: постиндустриальное общество уходит из-под власти всеобъемлющих универсалий. Еще Герберт Маркузе, исследуя специфику развитого индустриального общества, отмечал, что его характеризует господство над сознанием человека общих понятий типа «Нация», «Государство», «Партия», «Конституция», «Университет» и т.п. Казалось бы, говорил он, что этим универсалиям не соответствует ничего, кроме тех предметов, которые они представляют, но, тем не менее, они начинают действовать как самостоятельные сущности, причем сущности, зачастую решающие вопросы жизни и смерти. Т.о., люди начинают выступать не как индивиды, а как «представители» Нации, Корпорации, Университета. происходит процесс идентификации личности со стоящей над ней сущностью – организацией, классом, национальностью, расой, и т.п., в результате чего индивидуальность подменяется довлеющей универсальной реальностью.

Процессы преодоления господства общих понятий и отождествления индивидов с ними постепенно набирают силу в постиндустриальном обществе, – Тоффлер смотрит на эту проблему гораздо оптимистичнее Маркузе, ведь, по его мнению, приход общества «третьей волны» качественно изменяет проблему идентификаций, которые становятся более кратковременными, т.к. люди принимают или отказываются от каких либо компонентов своих идентичностей быстрее, чем когда-либо. Сознание перестает быть «универсальным» и становится «клиповым», отходит от общезначимых и постоянно воспроизводящихся схем мышления, отдавая предпочтение коротким, но при этом нестандартным и насыщенным мыслям.

Ведущие теоретики постструктурализма Ж.Делез и Ф.Гваттари, исследуя специфику проявлений маргинальности, пришли к выводу, что в современном обществе налицо тенденция дробления макроскопических социальных образований с устоявшимися и определенными культурными стереотипами на малые группы со своей локальной культурой и маргинальными интенциями. Подобные микрогруппы мыслители назвали «племенами», обладающими собственной «племенной психологией», и в общей сложности образующие «племенную культуру», интегрированной на уровне «групповой солидарности». Постулируемый Делезом и Гваттари «новый трайбализм» является еще одним подтверждением реальности процессов культурной фрагментации в постиндустриальном обществе. *А трайбализм и «племенная*

культура» гораздо ближе стоят к премодерну, нежели модерну. И надо понимать, что у «неопремодерна» будут не только «благости», но и свои «болезни», в чем-то напоминающие болезни эпохи премодерна.

Имеют место тенденции к т.н. «стиранию граней» между когда-то противоположными сущностями. Так, стираются не только грани, разделяющие классы, расы, нации и государства, не только границы между реальным и виртуальным, но и меняются специфические модели половой принадлежности: и это проявляется не только в повсеместной эмансипации, но и вообще в новом отношении к сексуальной идентификации, ведь не случайно популярен «унисекс» как стиль поведения и самовыражения. Речь идет о новом способе организации действительности, не накладывающем на реальность сетку из бинарных оппозиций истина/ложь, вещь/знак, субъект/объект, мужчина/женщина, норма/отклонение и т.п. Конечно, здесь возникает ряд проблем, связанных с потерей самости, растворением в обезличенном пространстве и т.п., но так или иначе, мир постиндустриального общества более не является разделенным на антагонистические пары, типа черное/белое – это мир, представляющий скорее мозаику, коллаж с бесконечным набором цветов, граней и форм.

Постмодернистская культура характеризуется особым отношением к игре как специфической человеческой деятельности, ведь именно свобода «языковых игр», по мнению Лиотара, является основой постмодернистского мировоззрения. Технологии постиндустриального общества позволяют расширить вхождение игрового начала в жизнь. В постиндустриальном обществе неожиданно воплощаются идеи Маркузе о том, что на смену «принципу производительности» должен прийти «принцип удовольствия». По его мнению, человеку необходимо вырваться из пределов материального производства – мира отчужденного труда и погрузиться в мир игры и фантазии.

Еще одну параллель между постмодерной культурой и технологиями постиндустриального общества можно проследить на примере вхождения т.н. культурного измерения в экономику. Как отмечает П.Козловски, стандартные продукты для оптового рынка, т.е. продукты, имеющие нейтральный фасон, форму и пр. сегодня больше не пользуются спросом, в отличие от продуктов, чья мотивация на продажу не отвечает общему удовлетворению потребности, а обращена на какой-то определенный культурный слой.

Научно-техническая революция поставила вопрос об использовании технологий, ведь последствия их необдуманного применения стали угрожать существованию самого человечества. Еще в 1964 г. Маркузе заметил, что более невозможно придерживаться концепции «нейтральности» технологии, ибо технологию как таковую уже нельзя изолировать от ее использования.

Модернистская идеология больше не работает, ведь мир уже не представляет собой систему с четко выраженной осевой иерархией и императивным центром. В мире иронии и языковых игр более никакой текст не наделен особыми привилегиями и не может более звучать как манифест, претендующий на выражение общезначимой истины.

В свете особой роли постмодернистского подхода в осмыслении тенденций в обществе конца XX в., предлагается охарактеризовать его не только как постиндустриальное или информационное, но и как постмодерное. Данный термин более полно и адекватно описывает всю глубину перемен в современном нам мире, указывая на то, что определяющим фактором в его становлении является не только приход новых технологий, но и смена мировоззренческих установок, связанная с вытеснением модернистского способа мышления постмодернистскими умонастроениями.

В свое время Д.Белл ввел особую социологическую категорию «осевой принцип», с помощью которой стремился доказать, что общественные институты, отношения и духовные процессы не обусловлены каким-то одним фактором. Одни из них располагаются по одной оси, другие по иной. Все зависит от того, какой осевой принцип избрать. Так, формационное деление в марксистской философии располагает ряд схем, построенных вдоль оси, за основу которой приняты отношения собственности. Цивилизационный подход строит свою периодизацию. Понятия преиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества представляют собой ряды вдоль оси, за которую принято производство и виды используемых технологий. Есть и др. логика, основанная на разграничении общества на преиндустриальное, общество модерна и постмодерное общество.

Интернет-пространство – состояние неэти преиндустриальное

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	Д.Н. Песков
Название	Интернет-пространство – состояние неэти преиндустриальное
Источник	Песков, Д.Н. Интернет-пространство – состояние неэти преиндустриальное // Режим доступа: www.isn.ru/info/seminardoc/-Premodern.doc .
<i>Inf</i>	

Существует несколько гипотез развития интернет-пространства. Одна из них предполагает конвергенцию и итоговое схлопывание пространств виртуальности и реальности. Схлопывание, или предельное усложнение, подразумевает состояние мира, когда одна произвольное либо произвольное действие может привести к уничтожению мира.

Гипотетическая наука об интернете механизмы выработки решений и методологии решений социальных проблем в своем арсенале уже имеет: она знает, что технология и есть общество, и оно не равно системе институтов.¹

Студенческие революции 1968 г., «красный май» в Париже ознаменовали наступление эпохи социального постмодерна. Скандальные лозунги парижских

¹ В интернете существует совершенно иная парадигма решения проблемы – «любая проблема может быть решена технологически», главенствует лозунг: «пишите программы, а не законы».

улиц буквально через 10-15 лет стали лозунгами западного общества с его характеристиками толерантности, иронии, сексуальности, цинизма, всеобщего смешения жанров и симуляции действительности. Не менее значимыми, хотя и менее заметными были изменения в науке и технологии. В 1969 г. в США появляется прообраз современного интернета – военная сеть ARPANET, призванная сохранить информационную инфраструктуру США в случае нанесения СССР ядерного удара и облегчить взаимодействие ученых из географически удаленных центров. Третьим важным событием становится введение профессором Токийского технологического института Хаяши в научный оборот понятия «информационное общество». В 1969 г. Агентство экономического планирования представляет доклад «Японское информационное общество: темы и подходы». Два первых события порождают тенденции, которые приводят к торжеству идеалов постмодернизма в современном мире, в т.ч. в мировой политике, и созданию глобальной информационной системы интернета.

Понятия «информационного общества» и общества на основе интернета парадоксально оказываются противоречащими друг другу. Действительно, у ряда теоретиков (Д.Белл, А.Турен, Э.Тоффлер, Махлуп, Масуда, П.Дракер, М.Маклюэн, З.Бжезинский) в качестве характеристики трудов заявлено социальное прогнозирование, однако современное общество в минимальной степени соответствует видению теоретиков информационного общества. Если отвлечься от поисков мелких совпадений и удачных фактологических предсказаний, и перейти на уровень концепций, то они не выдерживают никакой критики с точки зрения современности, причем как современности онлайн (т.е. интернета), так и современности офлайна: политической, социальной, экономической. Основные идеи теоретиков информационного общества: научное знание как определяющий фактор развития; программируемость социальных процессов и институтов; вытеснение промышленных корпораций и увеличение роли университетов как центров создания, переработки и накопления знания. Современный мир, несмотря на совпадение ряда фоновых признаков (преобладание услуг, компьютеризация), основывается не на знании, но на коммуникации и интерпретации. Информация не всегда знание, но всегда коммуникация, media, которая часто подразумевается под тем, что мы называем информацией. Корпорации в современном мире только усилили свое влияние, их замены на университеты не произошло.

На Западе проблематика информационного общества постепенно сменяется парадигмой «сетевого общества», т.е. акцент переносится с содержания, знания, на коммуникацию, и способы коммуникации. В РФ исследователи проблем, связанных с интернетом, просто включают исследования принципов и способов самоорганизации в сетевом обществе в традицию «информационного общества». Однако, механизмы изучения сетевого общества не может дать научная традиция изучения информационного общества, не может дать и западная политическая наука изучения институтов, но парадоксальным образом дает постмодернизм.

Идеалы свободы и прогресса, универсальности и линейности, чести и знания сменяются в эпоху постмодерна характеристиками плюрализма и толерантности, изменчивости и контекстуальности, иронии и цинизма, симуляции и смешения. Однако все эти понятия применяются для описания скорее социокультурных процессов, разграничивая «постиндустриальное» и «постмодерное», относя последнее к феномену культуры, а первое – к обществу. Разведение отчасти связано с тем, что информационные технологии «постиндустриального» завязаны на посредничество науки и техники, т.е. воплощения радио, а постмодерн завязан на господство, в т.ч., иррационального, в крайне случае, на ограничение основ рационального человеческого выбора. Как пишет Вадим Емелин: «Постмодернизм признает технологический характер современности и стремится осмыслить и воплотить его в своих категориях. Если обратиться к классической работе Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», то в ней вхождение в общества в постсовременный период французский философ связывает с процессами всеохватывающей информатизации, которые стали одной из причин изменения статуса знания и возникновения специфического постмодернистского видения мира».

Постмодернизм адекватно описывает как современную политическую реальность, так и современную виртуальность интернета. Речь идет о концептах ризомы Гваттари, смешения и симулякра Бодрийера, спектакля Барта, паратемы Фуко, интертекстуальности Юлии Кристевой.¹ Так, в интернете находит свое воплощение парадоксальная для реальности ситуация, которую Ж.Бодрийер назвал «прецессией симулякров»: «территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне сама карта предшествует территории – прецессия симулякров, - именно она порождает территорию».

Интернет оказывает прямо противоположное влияние на различные политические процессы. В зависимости от применения, его возможности могут использоваться для повышения уровня участия граждан в политпроцессе, или для тотального контроля государством над своими гражданами. Интересно, что основные тенденции, характеризующие развитие интернета в начале XXI в. (удешевление доступа, широкая доступность, глобализация информации, возможность контролировать все действия в сети) делают возможным любое социальное конструирование на основе интернет-технологий: от абсолютно анархического общества до тоталитарного государства, описанного Дж.Оруэллом в романе «1984».

¹ Еще одной концепцией постмодерна может быть описанная постмодернистами ситуация индивидуальной и общественной шизофрении.

Роскошь, демонстративное потребление и гламур: история и современность

Реферативный обзор

Реферируемый материал

Автор(ы)	З.С. Журавлева
Название	Роскошь, демонстративное потребление и гламур: история и современность
Источник	Журавлева, З.С. Роскошь, демонстративное потребление и гламур: история и современность // Режим доступа: http://www.ibi.spb.ru/news/veniamonov11/juravleva.doc .
Inf	Конкурсная работа. Тула, 2010. Научный руководитель – Л.И. Ростовцева.

Прародителями гламура являются роскошь и демонстративное потребление.

У В.И. Даля роскошь определяется в двух смыслах, один из которых позитивный, а второй негативный. В соответствии с первым роскошь есть изящество, обилие прекрасного, богатство и полнота, тороватость. С др. стороны, отрицательной, роскошь – излишество удобств, хвастливой тороватости, расточительность на насущное, на убранства, пищу, на все жизненные потребности. Отсюда и глагол роскошничать означает жить роскошно, в роскоши, т.е. предаваться изнеженной, прихотливой и расточительной жизни¹.

Согласно известному экономисту рубежа XIX и XX вв. А.Исаеву, главный источник роскоши в частном хозяйстве – чувственное влечение и тщеславие. Человек хочет показать себя окружающей его публике, удостоиться всеобщего внимания. Его основная цель – выделиться из толпы. Для этого люди приобретают дорогую одежду, стремятся построить просторное жилище, украсить его редкими и дорогими предметами быта. В этом случае роскошь является двояким злом: с одной стороны, из-за отсутствия границ тщеславия человек направляет все свои помыслы в русло разнообразия потребления, лишая себя времени и сил на духовное и физическое совершенствование. С др. стороны, богатый человек всегда вызывает зависть у бедного, лишая его последней доли счастья. Поэтому роскошь осуждалась мыслителями. Так, например, стоики в Древней Греции, отцы церкви и средневековые схоласты бичевали ее как источник развращения людей. Однако мнение многих экономистов было иным – будто роскошь богатых людей содействует расширению производства и дает заработок бедным.

В своей «Книге о скудости и богатстве»² предтеча русской экономической мысли И.Т. Посошков утверждал, что поскольку посадские люди украшают себя, жен и своих детей, постольку «в том украшение излишнем себя истощевают»³. Посошков, осуждая роскошь, придерживался как христианской, так и меркантилистской позиций. С одной стороны, он

¹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2002.

² Книга была написана в 1724 г. (*Примеч. референта*).

³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 2003.

сравнивает роскошь с грехом, с др., меркантилистской позиции, предписывает русским купцам не покупать заморские предметы роскоши, без которых можно обойтись, дабы способствовать накоплению денег.

Необходимо отметить своеобразный взгляд на роскошь С.Н. Булгакова. Он видит роскошь как оборотную сторону и постоянную опасность богатства. **Роскошь, по мнению С.Н. Булгакова, есть победа чувственности над духом, мамоны над Богом в идеальной душе и в целом обществе.** Когда мы чувствуем наслаждение, мы имеем связь с роскошью.

Булгаков критикует «эстетический эпикуреизм» В.Зомбарта, основанный на наслаждении. Причину перерождения его из грубого гедонизма о. Сергей видит в ограниченности физиологических потребностей, удовлетворение которых имеет предел. Чтобы продолжать получать удовольствие, наслаждение, потребности надо утончать. Для это и привлекается эстетика на помощь чувственному. Но далее он разъясняет: **«Уже в одном этом словосочетании заключается чудовищное противоречие, ибо прекрасное по своей метафизической природе неотделимо от доброго и эстетика от этики, но для эпикурейского эстетизма, задающего тон современному декадентству, характерен именно этот эстетизм, вне всякой его связи с высшими деятельностью духа, следовательно, в подчинении низшим»¹.**

Но Булгаков не приемлет и «чистый» аскетизм. Самое последовательное и решительное выражение его дает религия буддизма, различные религиозные секты, которые отрицают всякую радость жизни, видят в ней абсолютное зло. Булгаков не согласен с гонением из жизни радости. Он выступает за рост богатства, но не как абсолютную ценность, а как условие освобождения личности. В работе духовной видит он цель жизни, а все остальное – средства для ее реализации. **И роскошь, и нищета, по Булгакову, одинаково антикультурны, ибо духовная нищета может быть как в палатах вельмож, так и в лачуге бедного.** Духовный упадок приводит к упадку хозяйственному. О.Сергий по данной проблеме ссылается на Евангелие, которое не гонит человеческую радость, не осуждает культуру и экономический прогресс, но предостерегает от искусителя и богатства.

Булгаков выступает против нищеты, унижающей достоинство человека, но и против роскоши, влекущей к моральному вырождению.

Предыстория демонстративного потребления начинается в глубокой древности, когда люди начинают создавать первую одежду и украшения. В древние времена по полноте одежды женщины можно было судить о ее привлекательности, достоинстве и социальном положении. Стремление к отличию от других реализовывалось посредством одежды и украшений как социальными знаками. С выделением вождей, старейшин, военных предводителей их высокое положение подчеркивали украшения и одежда, которую могли носить только они и никто больше.

В западной литературе демонстративное потребление объяснялось стремлением к получению удовольствия от обладания богатством, тщеславию

¹ Булгаков С.Н. Об экономическом идеале // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т.1. М., 1999. – С. 234.

и стремлением к получению чувственных удовольствий (И.Бентам, Ж.Б.Сэй, А.Маршалл, Ф.Ратцель), завистническим сопоставлением себя с другими и инстинктом мастерства (Т.Веблен). В России же, в силу особенностей национального характера, В.О. Ключевский добавил еще два обстоятельства демонстративного поведения: желание доставить удовольствие ближнему приятным внешним видом и понравиться самому себе, что обнаруживает наш коллективный характер и стремление к самосовершенствованию, предписываемое православием.¹



В современном обществе можно выделить следующие основные мотивы демонстративного потребления: экономические, порождаемые стремлением сделать явным, очевидным свое денежное состояние посредством отождествления себя со своим внешним богатством; социальные, создающие возможность идентификации и демонстрации своего социального статуса; моральные, вытекающие из желания получить удовлетворение посредством общественного признания, таких социальных санкций, как комплимент, одобрение, восхищенный взгляд и т.д.; психологические, когда потребление тех или иных благ повышает самооценку, уверенность в себе, вызывает самоуважение; гедонистические, когда демонстративное потребление рассматривается как источник удовольствия, наслаждения; эстетические. Соответственно в зависимости от мотивации демонстративное потребление

¹ Ростовцева Л.И. «Номо glamorous», или «Человек гламурный» в России // Философия хозяйства. №6. 2009. – С.271.

можно классифицировать по-разному – как показное, статусное, престижное, гедонистическое, эстетическое¹.

У Веблена говорится о нескольких видах демонстративного поведения: демонстративном потреблении праздного класса и подражающих ему нижестоящих классов, а также демонстративном потреблении хозяина, его домочадцев и слуг. Ю.А. Цицерман в своей диссертации указала еще три классификации демонстративного потребления:

Элитарное потребление, свойственное высшему классу и направленное на приобретение вещей и услуг, высокая стоимость которых очевидна (дорогие иномарки, яхты, особняки, антиквариат), а также подражательное, которое охватывает и средние и нижестоящие слои (нередко люди экономят ради того, чтобы приобрести 2-3 дорогих вещи; демонстративное потребление свойственно не только богатым, но и бедным. Бедные стремятся быть «не хуже людей», иначе они могут быть подвергнуты осмеянию и изоляции).

- Прямое и подставное демонстративное потребление, когда собственник демонстрирует свое денежное состояние сам и когда это делают его домочадцы, прислуга.
- Социально-позитивное потребление, которое может одобряться в обществе (например, сопряженное со спонсорством) и социально-негативное, граничащее со страстью, девиацией, неодобримое. Примером последнего потребления являются «шопингомания» и др. развлечения, способные негативно сказаться на здоровье, благополучии, жизни человека². *Скорее сама шопингомания уже есть проявление паталогии, причем достаточно серьезной, имеющей как социальные, так и одновременно индивидуальные корни.*

Потребление зависит и от места проживания. Житель города, стремясь показать уровень своего благосостояния, приобретает вещи, благодаря которым, он может обозначить свой социальный статус. Человек, живущий в деревне, видит меньше смысла в демонстративном потреблении просто потому, что односельчане все равно знают друг о друге все: кто беден, а кто - богат. Это в городе человек одинок, его постоянно окружают незнакомые люди, и появляется стремление показать себя, обозначить свой статус с помощью вещей. Горожане видят благосостояние в красивой одежде, машине, а сельчане – в хорошем доме и питании.

Дорогая одежда, золотые украшения играют важную роль в показном потреблении в относительно бедных странах. В развитых странах очень богатый человек может не отличаться от др. в одежде, но иметь огромный особняк или яхту. Одежда из дорогих магазинов используется для

¹ Ростовцева Л.И., Цицерман Ю.А. К истории вопроса о демонстративном потреблении // Истоки русской политической экономии. К 160-летию «Опыта о народном богатстве или о началах политической экономии» А.И. Бутовского: Материалы научной конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. – М., Тула: Тульский филиал РГТЭУ, 2008. – С.56.

² Цицерман Ю.А. Демонстративное потребление в современном обществе (институциональный анализ). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. – С.13.

демонстративного потребления, в основном, представителями среднего класса. Высший класс предпочитает штучные экземпляры от лучших мировых модельеров.

Термин «гламур» (англ. glamour – чары, заим. из фр. grammaire – колдовство) первоначально рассматривался как стремление, принудить человека смотреть на вещи по-другому, поверить во что-либо. В конце XIX в. общее значение смещается, и термин применяется в отношении обычных предметов и ювелирных изделий без отношения к сверхъестественному, просто акцентируя внимание на внешнем виде. В обиход термин «гламур» вошел в 1930-1940 гг. В России первые упоминания данного слова зафиксированы в 1990-е гг. однако, широко употребляемым оно становится в 2000-е, особенно после первого выпуска одноименного журнала в 2004 г. Глянцевый, с красивыми картинками, бессмысленными текстами, рассказами о сексе, советами, как выйти замуж за олигарха и т.п. На многих каналах телевидения гламур пропандируют передачи с Перис Хилтон и Ксенией Собчак.

Журнал «Огонек» установил следующую классификацию типов в русском гламуре:

- Тип «Ксения Собчак» (или дягилевский гламур). Это посетители элитных ночных клубов «Дягилев», «XIII» и т.п., где важна именно последняя коллекция модных брендов. Живое воплощение – 2 подруги: бывшая модель Ульяна Цейтлина и «светская львица» Ксения Собчак, которые знают что сегодня модно - а что нет.

- Тип «как бы Ксения Собчак» (или народный гламур) – это девушки в «фальшивке», знающие все про жизнь «звезд», подражающие им и мечтающие о Куршевеле и Сен-Тропе.

- Тип «Чичваркин» (или новый олигархический гламур). Внешне многие олигархи – люди скромные и малозаметные. Имея солидный счет в банке, необязательно самоутверждаться с помощью одежды. Поэтому костюм может быть, как у Чичваркина, бывшего хозяина «Евросети»: бейсболка, джинсы, толстовка.

- Тип «Чекистский гламур» - мужчина средних лет с офицерским прошлым. Может иметь дом на Рублевке, а ездит на работу на «Волге». Спорт, семейные ценности, предпочитает черный и темно-серый цвет.

- Тип «Федя Бондарчук» - растущее племя топ-менеджмента, завсегда в ночных клубах. Признаки: отличные ботинки, идеально сидящий пиджак, модные джинсы, дорогие часы, прекрасная рубашка (но без галстука!)¹.

Иногда добавляют еще тип «Сергей Зверев», наиболее явственно отражающий такую черту гламурного человека, как женственность². И тип «Тимати» - парень, с бриллиантовыми или иными сережками в ушах, одетый в брендовую спортивную толстовку и спущенные джинсы.

Гламур - серьезная проблема общества. Ю.М. Осипов в работе «Гламур как искусство и порча» дает несколько определений гламура: *Гламур* – это

¹ www.ogoniok.com/4988/6/.

² Ростовцева Л.И. «Номо glamouricus», или «Человек гламурный» в России // Философия хозяйства. 2009. – №6. - С.277.

развлечение, игра, театр; несерьезность, точнее, легкость, ибо он при всей своей затейливости и усложненности, не более чем мимолетная и мнимолетная безвесомость; сказка, мифчик, фантик, он не более чем какой-нибудь образ, естественно, красивый, бросающийся в глаза, не так, быть может, яркий, как ясный, феерический, светящийся; искусство, за ним стоит способность доводить реальность до видимой ирреальности, до образа самого образа.¹ Фикция, правда, полная очарования, чародейства, но за которой пустота. Красивая форма, но без содержания. Искусительное замещение бытия.

Сегодня гламур проникает во все сферы человеческой деятельности. Склонность к украшательству, тем самым, завышению ценности своей деятельности, к лакированию действительности исключают должный учет ее объективных свойств. «Стоит только из двойственности экономических явлений, процессов, взять одну только их сторону, а именно «хорошую», и отбросить вторую («плохую»), как мы сразу же получаем гламур, и не какой-нибудь, а экономический»².

¹ Осипов Ю.М. Гламур как искус и порча // Философия хозяйства.- 2008.- №4.- С.201.

² Макаров С.П. Гламурная экономика // Философия хозяйства. – 2008. - №4. - С.204.

Интернет-портал «Sovschola»

<http://sovschola.ru/>

Реферативный журнал социокультурного и политического анализа

Выпуск 1

(Июнь 2011 г.)

Дата публикации: 14 июня 2011 г.

Количество печ. знаков: 190 тыс.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением, представленным в опубликованных материалах.

Источник иллюстрации на титульном листе: *Культура в современном мире*. — 2010. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>.